

Борис Хмельницкий

ИНТРИГАНЫ

SuperИздательство 2016

Борис Хмельницкий

Интриганы

«Super Издательство»

2016

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Хмельницкий Б.

Интриганы / Б. Хмельницкий — «Super Издательство»,
2016

ISBN 978-5-9908869-6-4

Замершее веселье разгорелось вновь. Шумно направились к столу, шумно выпили. Воздух наполнился винными парами и свечным чадом. Решили потанцевать. Музыканты на галерее заиграли полонез Огинского. Гости разбились на пары. У тех, кто явился без жены, пары, естественно, не было. Но и они не скучали, душой отдаваясь музыке. Полонез в паре с алкоголем навевал чувственное томление.

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9908869-6-4

© Хмельницкий Б., 2016
© Super Издательство, 2016

Содержание

Часть первая, лирическая	6
1	6
2	12
3	14
4	17
5	23
6	25
7	30
8	37
9	39
10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Борис Хмельницкий

Интриганы

Роман-пародия

– Пародия на кого? – спросили автора.

– На нас с вами, – ответил Автор. – Впрочем, я не уверен, что это пародия. Возможно, это сатира или памфлет.

<http://landing.superizdatelstvo.ru/>

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Борис Хмельницкий, 2016

© SuperИздательство, 2016

Часть первая, лирическая

1

Жизнь кассира банка «Отрадный» Самсона Далилова протекала по давно протоптанной колее: работа – дом. Вечера он предпочитал проводить в кресле с книжкой: бесцельно гулять или посещать кафе и другие места скопления людей не любил, да и средств для этого не было, зарплаты едва хватало, чтобы кое-как кормиться. И слава богу, что еще не сократили. Это только со стороны кажется, что служащие банка купаются в деньгах. Простые служащие, поверьте, не купаются. Вернее, купаются, но не простые.

Рабочий день кончился. Самсон снял нарукавники, закрыл окошко кассы, плотнее закутался в пальто и вышел из здания банка. Улица была безлюдной, на ней властвовал шальной ветер. Он вздымал вихри пыли и гнал вдоль улицы рваную бумагу и окурки. Ветер подхватил Самсона, запорошил пылью глаза. И почему-то сегодня, вместо того, чтобы, прикрывшись от ветра локтем, пойти по направлению к дому, он повернулся спиной, словно внезапно утративший волю человек, и пошел туда, куда толкала его стихия.

Ветер привел его на площадь, над которой возвышалось тяжелое мрачное здание автовокзала. Когда-то это был замок. Узкие вытянутые окна, в которых еще кое-где сохранились цветные витражные стекла, толстые стены, уходящие ввысь своды на колоннах. Под крышей и на колоннах гнездились голуби. Почерневшая от времени деревянная дверь на входе висела на одной петле, покачивалась и скрипела, словно приглашала войти внутрь.

Из-под двери потянуло дымком, и Самсону захотелось курить. Курил он редко, под настроение, особой тяги к дыму не испытывал, но, бывало, позволял себе такую роскошь.

Самсон решил купить сигарету в вокзальном киоске, с начала кризиса сигареты продавались поштучно.

Проскользнув в скрипучую дверь, Самсон оказался в большом зале. В давние времена здесь звенели рыцарские мечи, на пирах раздавался многоголосый женский смех. Но рыцари с их пирами и забавами остались в прошлом. Власти поставили в зале деревянные скамьи, установили киоск с нехитрой снедью, устроили небольшой тир для развлечения пассажиров, наладили внутреннюю радиосвязь и превратили замок в автовокзал. В целях экономии администрация вокзала в последние годы отказалась от электричества, и зал ожидания освещали воткнутые в стены факелы. Факелы нещадно дымили, дым змейкой полз по потолку к дверям, и на стенах плясали мрачные тени, похожие на древние письмена.

Самсон замер возле колонны и осмотрелся. Народу в зале было немного. В тире, ловко управляясь с ружьем, коротал время плотный мужчина в добротном костюме. За его стрельбой наблюдала женщина с прической в виде мелкого бисера, а рядом, на скамейке, беседовали двое мужчин. Один из них, юркий мужичок в короткой ватной куртке и шапке-ушанке, явно был фермером, другого – интеллигента, книжного червя, с головой выдавали очки с толстыми линзами, книга в руках и нечто типа ермолки на голове. Фермер достал из мешка провизию и предложил бутерброд с салом собеседнику. Интеллигент отрицательно покачал головой:

– Спасибо, я сало не ем.

– Еврей, что ли?

– Вегетарианец, – скривил губы интеллигент.

– Значит, вегетарьянский еврей, – сообразил фермер. – Так считай, что это редис, и жуй, не стесняйся, ваш бог ничего не заметит. В наши края вообще никакие боги уже лет двести

не заглядывали. Хоть в колокола звони, толку никакого. Забыли про нас, понимаешь. – И принялся с удовольствием жевать бутерброд.

Чуть поодаль устроились мужчина в синем бархатном кафтане, отороченном серебряной нитью, и берете с пером, и женщина лет двадцати пяти. Поставив перед собой на попа небольшой чемодан, они лениво перебрасывались картами. А между рядами прохаживался человек в неприметном сером плаще.

Самсон порылся в карманах, выскреб какую-то мелочь и направился к киоску, но киоск был закрыт. На витринном стекле висела бумажка «Закрыто по причине незавоза товара». Записка Самсона не удивила, подобные объявления висели даже на дверях крупных гастрономов – прошлогодний неурожай давал о себе знать. Повернувшись, он встретился глазами с человеком в синем кафтане и изумился: человек призывно махал ему рукой.

– Вы меня? – удивился Самсон.

– Вас, вас, Самсон! Идите к нам!

Настороженно озираясь, Самсон подошел к этому странному человеку. Нет, никогда раньше они не встречались, никогда раньше он не видел это лицо – темное, словно покрытое загаром, с глубокими морщинами в углах рта. В глазах незнакомца полыхал отсвет пламени факелов.

Незнакомец приподнялся, представился сам и представил сидящую рядом женщину:

– Меня все называют Маэстро. А это – Мария. Нам нужен третий для преферанса. Присаживайтесь.

То, что Маэстро знал его имя, не удивило Самсона – мало ли кто заходит в банк и видит табличку над его окошком. Но то, что он умеет играть в преферанс...

– Маэстро сказал, что вы хотите курить, – Мария протянула сигарету Самсону. Самсон почти машинально взял предложенную Марией сигарету и затянулся. От дыма немного zakружилась голова.

– Как вы узнали, что я играю в преферанс?

– Маэстро – маг и ясновидец, – объяснила Мария, гордясь этим знакомством. – Выступает в театре эстрады.

Теперь Самсон понял, откуда этот странный костюм и пронзительный взгляд.

– Присаживайтесь, почувствуйте себя свободно, я вам сейчас всех представлю. Того, кто упражняется в тире, зовут Бюргер, женщину рядом с ним – Милочка. Да вы садитесь, мы вас не разорим, играем по маленькой.

Мария потянула Самсона за руку:

– Садитесь, правда.

И Самсон внезапно почувствовал себя с этими людьми легко и свободно.

– Фермер – это Колунов. А его собеседник носит странную фамилию – Живчиков, – продолжал Маэстро.

– А меня как зовут? – спросил человек в плаще. Оказывается, за это время он приблизился к собеседникам и внимательно слушал, что говорит маг.

– Если желаете, я назову не только ваше имя, но и профессию, – нахмурился маг. – Стыдная у вас профессия, любезный.

Лицо человека в плаще побагровело, но он сумел удержаться от ссоры и отошел в сторону.

По залу прокатился звук выстрела и стих высоко под сводами.

– Ах! – томно воскликнула Милочка. – Люблю мужчин, сразу попадающих в цель! Как вы это делаете?

– Могу научить, если хотите, – ухмыльнулся Бюргер.

– Научите! – Милочка втиснулась между Бюргером и стойкой тира и прижалась к стрелку спиной. – Я жду!

– Его бы к нам в деревню на неделю, – сказал собеседнику Колунов. – Чтоб пострелял. Коршуны уже всю домашнюю птицу перевели.

– Поставьте пугала с автотрещотками, – посоветовал Живчиков. – Пора нашим сельчанам пользоваться современными достижениями науки и техники.

– Все вы мастаки советы давать, – огрызнулся фермер. – А как насчет помочь с уборкой картошки?

Бюргер деятельно учил Милочку стрельбе, и она, продолжая прижиматься к нему задом, даже взопрела от усердия.

– Этой Милочке лет сорок, а все изображает из себя девочку, – сказал Мария.

– Ей, как и любому человеку, хочется иметь семью, мужа, – улыбнулся Маэстро.

– Только не мне, – заявила Мария. – Я на мужчин смотрю как на банковский автомат.

– Я вас понимаю, семья – это так сложно, – вступил в разговор Самсон. Еще час назад ему и в голову не пришло бы вольничать с незнакомыми людьми. Он не узнавал сам себя, разговорился, остановиться почему-то не мог. – Мне тоже нравится моя холостая жизнь.

– Это сегодня, – улыбнулся Маэстро. – А завтра?

– Завтра будет лучше, чем как вчера, – Самсон негромко пропел строки популярной песни.

– Могу сказать точнее, что вас ждет в будущем, – улыбнулся Маэстро. – Дайте руку.

Самсон пожал плечами и протянул руку Маэстро.

Все присутствующие, слышавшие этот диалог, заинтересовались происходящим и переместились поближе к магу. Даже Бюргер и Милочка забросили свои эротические упражнения возле тира.

Маэстро взял Самсона за руку и внимательно посмотрел в глаза. Самсону вдруг стало жутко – глаза Маэстро втягивали в себя, как втягивает пропасть.

И проступила пыльная дорога, по которой, под палящим солнцем, ползли повозки с впряженными в них рабами. На повозках сидели странные люди, одетые в лохмотья. Они покачивались, что-то бормотали. Рядом брели надсмотрщики, разомлевшие от жары, и лениво щелкали бичами...

Лицо Маэстро потемнело, резче обозначились морщины. Он щелкнул пальцами, и Самсон с удивлением огляделся:

– Что это было?

– Гипноз, – сказал всезнающий Живчиков. – Меня тоже гипнотизировали, когда лечили от неврастении.

Заявление Живчикова вызвало всеобщий смех. И только Маэстро оставался мрачным. Он уже ругал себя за безответственность, с которой вдруг решил демонстрировать свои способности. «А ведь с первого взгляда казалось, что ему ничего не грозит, – пытался оправдать себя Маэстро. – Ошибся! Так непростительно ошибся!..»

– Вы что-то увидели, что-то для меня неприятное? – Самсона невольно взволновало потемневшее лицо мага. – Только, пожалуйста, не лгите.

– Маэстро не умеет лгать, – сказала Мария.

– Все умеют лгать, – хмыкнул Бюргер. – Все зависит от цели.

– В конце концов, я мужчина и хочу знать, какие меня могут ждать неприятности, – продолжал настаивать Самсон.

Маэстро явно хотелось уйти от ответа, но со всех сторон обступили мага.

– Говорите, человек же просит!..

И Маэстро покорился неизбежному:

– Я видел вас в смиренной рубашке. Вы на чем-то сидели, скрестив ноги, и смотрели в одну точку бессмысленным взглядом, – хмурясь, хрипло проговорил Маэстро. Казалось, слова давались ему с трудом.

– То есть я выглядел ненормальным? – заволновался Самсон.

– Да.

– Какое страшное видение, – прошептала Мария.

– Вы не могли ошибиться? – с надеждой спросил Самсон.

– Конечно, мог, – с тоже надеждой произнес Маэстро. – Ясновидцы не боги, и я не исключение.

И в этот миг раздался голос диктора:

– К сведению пассажиров! Начинается посадка на рейсовый автобус до платформы «Веселая». Автобус отправляется через семь минут.

– Это наш! – воскликнул Колунов. – А объявляли, что отменяется! Нет правды на земле!

– Вы знаете Пушкина? – удивился Живчиков.

– Его все знают, у него лучшая пасека в округе.

– Жаль, не сыграли, – сказал Маэстро, протягивая Самсону на прощание руку. – Но мы еще увидимся и распишем пулю.

Пассажиры потянулись к выходу. Маэстро шел чуть впереди, опустив голову, Живчиков семенил сбоку, на ходу задавая магу какие-то вопросы, а Бюргер вел Милочку, обняв ее ниже талии. Милочка кокетливо улыбалась и изредка вздергивала руку Бюргера, но его ладонь упорно соскальзывала вниз. Последним шел Колунов, сгибаясь под тяжестью огромного мешка с удобрением. И только человек в сером плаще скрылся совершенно незаметно, но на это никто не обратил внимания.

В опустевшем зале остались Самсон и Мария. Появился вокзальный служитель и, двигаясь вдоль стен, начал гасить факелы специальным колпачком на длинном шесте.

– А вы разве не уезжаете? – спросил Самсон.

– Нет. Я живу тут поблизости. Пятницу мои клиенты проводят в семьях. Скучно одной дома, вот и прихожу сюда. Тут и познакомилась с Маэстро. Их вечерний рейс часто отменяется, и мы с Маэстро и его ассистентом пишем тогда небольшую пулю. Сегодня ассистент заболел, позвали вас, но игра все равно не сложилась.

– Мне тоже жаль, я бы с удовольствием пошлепал картами. – И, помолчав, проговорил: – Он странный человек...

– Удивительный. – Мария поняла, что Самсон говорит о Маэстро. – Представляешь, он четырнадцать лет провел в тибетском монастыре. Говорит на восьми древних языках, умеет подниматься на воздух, дышит под водой.

– Самому, что ли, в Тибет податься, – усмехнулся Самсон. – Так денег на дорогу нет.

– Приходи в пятницу, может, опять отменят, в преферанс сыграем, развлечешься. Нам четвертый не помешает.

– Приду, – пообещал Самсон.

Разговор Автора с Ясновидцем в сумерках

Автор сидел за письменным столом, не зажигая свечей. Что-то было не так в первой главе, что-то его смущало. Внезапно перед ним появился мужчина в синем бархатном кафтане, отороченном серебряной нитью, и берете с пером.

Ясновидец. Вы подумали обо мне, и я здесь.

Автор. Откуда вы знаете, о ком я думал?

Ясновидец. Вы же сами наделили меня даром ясновидения.

Автор. Допустим. Но вы поступаете вопреки моим желаниям.

Ясновидец. А конкретнее?

Автор. Мне хотелось, чтобы Самсон ничего не знал о своем будущем, а вы все выложили ему при первой же встрече.

Ясновидец. Давайте рассуждать здраво. По вашему замыслу, я умен, честен и человеколюбив. Так?

Автор. Да.

Ясновидец. Как же я могу молчать, когда вижу, что моему собеседнику грозит беда?

Автор (растерянно). Вы правы, я об этом не подумал. Просто не успеваю все продумать, слишком стараюсь сделать своих героев ни на кого не похожими.

Ясновидец. Зачем?

Автор. Чтобы избежать обвинений в клевете и судебных исков.

Ясновидец. Тогда пишите о красотах природы. Впрочем, о природе тоже не надо. Лучше вообще ничего не пишите.

Автор. Почему?

Ясновидец. Слова материализуются.

Автор (смеется). Слова материализуются?.. Право, это какое-то языческое суеверие.

Ясновидец. Языческое? Разве это не из Библии? «Вначале было слово». Вот вы нас придумали, создали условия для нашей встречи. Но дальнейшее уже зависит не от вас, а от наших характеров.

Маэстро достал из воздуха папиросу «Беломорканал», прикурил.

Автор (помолчав). Значит, во всем, что скажут и сотворят мои герои, виноватым окажусь я?

Ясновидец. Конечно. Родители несут ответственность за поступки детей. И вы уже чувствуете эту ответственность.

Автор. Послушайте, вы меня совсем запутали.

Ясновидец. Так распутывайтесь. Но, кажется, отступать вам поздно, герои вашей книги уже здесь.

Автор. Далеко не все.

Ясновидец. Надеюсь, они появятся. Конечно, если переборете свой страх перед неизбежным наказанием за то, что напишете.

Автор надолго задумался: Маэстро был прав, и в его правоте автор чувствует какую-то неясную для себя угрозу. Может, действительно уничтожить уже написанное? Но это значит признаться самому себе в трусости. Автору стало не по себе. А Маэстро, как назло, не исчезал, стоял на фоне темного окна, насмешливо смотрел на автора, курил и выпускал дым в форточку. Хотя, если трезво рассуждать, фантомы курить не могут.

Ясновидец (*иронично*). Какими опасливыми становятся нынешние сочинители, собственных героев начинают бояться. Чего вы так напряглись, ведь первая часть вашей книги – лирическая. Что может быть опасного в любви?

Автор. Пожалуй, вы правы. Продолжу.

Автор придвинул к себе чистый лист бумаги, зажег свечу и обмакнул хорошо очищенное гусиное перо в чернила.

Ясновидец (*удивленно*). Но почему гусиным пером? Ноутбук, помоему, удобнее.

Автор. Пером надежнее: что написано пером... Эту пословицу наши классики хорошо знали, вся отечественная литература, хоть чего-нибудь стоящая, создана в основном гусиными перьями.

Ясновидец. Вот таким вы мне нравитесь больше.

Автор. Спасибо.

И каллиграфическим почерком вывел на листе цифру 2 и написал с красной строки: «Полковник Антон Антонович Мостовой...»

2

Полковник Антон Антонович Мостовой, тридцатитрехлетний начальник Губернской службы безопасности (ГСБ) принимал душ в ванной, облицованной бежевым мрамором. Он любил эти утренние часы, когда прохладная вода взбадривала, заряжала энергией на целый день. Сегодня он с утра не мог избавиться от предчувствия предстоящих перемен. Нет-нет, никакой мистики, просто хорошая интуиция. А он жаждал перемен. С полубеспризорного и полуголодного детства, когда он мечтал о силе, которая уравнила бы его с Витьком, и до той поры, когда осознал, что дело не в силе, а во власти, он постоянно жаждал перемен.

Его родители жили на побережье океана. Мать и отец были вечно заняты на работе, и он был предоставлен самому себе. Уличный парнишка Антон рос хилым и слабым, насмешки сверстников и презрительные взгляды одноклассниц сопровождали его детство. И он смертельно завидовал тем мальчишкам, которые пользовались девичьим вниманием. Особенно он завидовал Витьку – признанному атаману дворовой шпаны, властному и бесстрашному. Витьку он завидовал до колик и судорог. Антон мечтал обладать такой же силой и властью, как этот ненавистный Витек. Может быть, поэтому он с малых лет большую часть времени проводил в одиночестве у моря. И, возможно, эта почти духовная связь с прародительницей всего живого – водой – и развила в нем интуицию, подсказывающую ему верные решения в сложных жизненных перипетиях и предупреждающую о грядущих переменах.

Стремление к власти с возрастом становилось все сильнее и сильнее, пока не превратилось во всепоглощающую страсть. Ради этой неодолимой страсти дипломированный искусствовед Антон Мостовой после окончания университета согласился на низкооплачиваемую работу в ГСБ, властная мощь которой держала всех его знакомых в страхе.

ГСБ, постоянно нуждающаяся в искусствоведах, с радостью приняла его в свои ряды. Теперь он водил иностранных туристов по городу и в музеи, не брезгуя чаевыми, которыми иностранцы одаряли внимательного экскурсовода, а вечерами составлял для конторы отчеты о подслушанных разговорах.

Конечно, Антону, жаждущему настоящей власти, этого было мало, и он трудился с рвением, достаточным, чтобы начальство обратило на него внимание. Но начальство не спешило повышать его в должности и в чинах: никто не любит чересчур активных сотрудников, от них только лишняя головная боль.

Наверное, так бы и оставался лейтенант Мостовой на низовой работе, если бы не один политик, Вольдемар Викторович Французов, коллекционирующий предметы искусства. Два жгучих чувства – страсть коллекционера и тщеславие – встретились на одном из аукционов и подружились. Вернее, сначала эта дружба была односторонней: искусствовед дружил с Французовым, а Французов только позволял Антону с собой дружить – выгуливать собаку, раскуривать новую трубку, носить портфель с документами. Антон, как когда-то с Витьком, покорно сносил унижения и ждал своего часа. И он пришел. Чувство благодарности к невзрачному лейтенанту Французов испытал, когда Мостовой принес ему в подарок яйцо Фаберже, изъятые при обыске в квартире одной почтенной старушки, содержавшей публичный дом. Поскольку напарник Мостового интересовался исключительно сейфом старушки, Антону удалось вынести из квартиры яйцо, незаметно спрятав его в плавки.

В благодарность за эту услугу Французов, став губернатором, назначил Антона Антоновича начальником личной охраны, а затем и начальником всей ГСБ.

За годы службы на этом посту Мостовой стал для своих подчиненных непререкаемым авторитетом, человеком стальной воли, для губернатора – другом, для губернских барышень – секс-символом и завидной партией. Но его не особенно волновали женщины и уже не при-

носили полного удовлетворения деньги, получаемые от предприятий, акционером которых он являлся: единственной целью и смыслом жизни оставалась для него власть.

«Конечно, к своим годам я кое-чего добился, – думал полковник, растирая тело полотенцем докрасна. – Но этого мало. Мало!..»

Мысль о том, что годы уходят безвозвратно, постоянно портила настроение молодого полковника, насылая бессонницу. Но пока карьерный рост не просматривался даже в отдаленной перспективе.

Антон Антонович оделся, вышел в гостиную, и тут его взгляд упал на часы. Стрелки показывали семь тридцать.

– Что у меня сегодня? – спросил полковник, сняв трубку.

– Прием посетителей, господин полковник, – ответила трубка голосом его секретаря и ординарца лейтенанта Бычкова.

– Уже сидит кто-нибудь?

– Оперативник Кривошей из отдела наружного наблюдения.

– Пусть пока сходит позавтракает, приму в десять ноль-ноль, – распорядился полковник.

3

Ровно в десять утра в кабинет полковника осторожно постучали, и на пороге появился Бычков.

– Кривошей в приемной, ваше высокоблагородие, – доложил ординарец.

– Введи! – распорядился полковник.

Бычков ввел человека в сером плаще, беспардонно подтолкнул его к центру кабинета, а сам застыл у двери.

– Разрешите доложить, товарищ полковник? – спросил Кривошей. Он в минуты волнения иногда называл офицеров по старой привычке словом «товарищ», но потом исправлялся. И то верно: ну какой полковник ефрейтору товарищ?! Намудрили что-то с этим «товарищем» бывшие.

– Должно быть, случилось что-то из ряда вон выходящее, раз ты явился без вызова? – Антон Антонович подошел к бару и налил себе рюмку коньяку. – Ну, докладывай.

– Я вчера работал среди народа на автовокзале, – начал Кривошей.

– Меня уверяли, что там не бывает народа, – удивился полковник. – Ну, и что там случилось?

Филер подробно доложил начальнику все, что видел и слышал вчера вечером в зале ожидания.

Полковник был прагматиком, ни в черта, ни в провидения не верил, но всегда с успехом использовал любые человеческие суеверия. О том, что в многонаселенном городе кормятся полчища колдунов, ведьм, гадалок и ведунов, Мостовому, естественно, было известно, особенно внимания ГСБ эти мелкие шарлатаны, занимающиеся любовными приворотами и сглазами, не заслуживали. Но ясновидец – это нечто иное.

– Я хочу его повидать.

– Он здесь, господин полковник. Я вчера снял его с автобуса и привез в контору.

– И где же он ночевал?

– В камере для допросов. – Кривошей по сдвинутым бровям полковника понял, что начальству это не понравилась. – Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, мы ему создали условия как родному! Вот господин лейтенант может подтвердить.

– Так точно, – подтвердил Бычков. – Накормили, подушку пуховую дали, одело, как VIP персоне, утром в сортир проводили, все честь по чести.

– Сходи приведи его, – приказал Мостовой секретарю и повернулся к Кривошею. – Благодарю за службу!

– Рад стараться, ваше превосходительство! – гаркнул Кривошей и четким строевым шагом вышел из кабинета.

Оставшись в одиночестве, начальник ГСБ выпил коньяк и задумался. Ясновидцы могут манипулировать толпой, и важно знать, в какую сторону они эту толпу в час X поведут. Если в нужном направлении – замечательно. За примерами далеко ходить не надо: вот буквально недавно поп Гапон...

Сейчас полковнику предстояло в процессе беседы понять, насколько ясновидец лоялен к власти. И, в зависимости от его лояльности, либо позволить и дальше практиковать в городе, либо выслать за пределы губернии.

Маэстро спокойно вошел в гостиную.

– Присаживайтесь. – Полковник чуть приподнялся за столом и указал ясновидцу на кресло.

– Я арестован? – спросил маг.

– Конечно, нет, – удивился Мостовой. – Почему все думают, что СБ – это репрессивный аппарат? – И улыбнулся. – Можете не отвечать, вопрос риторический.

Маэстро не ответил и сел.

Некоторое время они оба сидели молча. И чем дольше Антон Антонович всматривался в рельефные черты лица мага, тем явственнее ощущал, что этот человек обладает какой-то неизвестной ему силой. У полковника внутри образовался холодок, по коже пробежали предательские мурашки. Полковник вздрогнул и машинально вытер лоб платком.

– Не беспокойтесь, вы здоровы, – успокоил его маэстро. – Просто весна, беспокойное время года. То тепло, то морозит.

– Вы читаете мысли?

– Нет, мысли прочесть невозможно. И те, кто утверждают, что читают – лжецы. Но я хорошо понимаю язык мимики и жеста. Все, о чем человек думает, отражается на его лице. У вас дернулся уголок губы, и по телу пробежала дрожь.

«Нужно наших агентов тоже обучить физиогномике, это значительно упростит их работу. Жаль, что я не додумался до этого раньше», – подумал Антон Антонович.

– Простите, что побеспокоили вас, но мне доложили, что на вокзале вы предсказали будущее какому-то парню. А любопытство – мой порок, от которого я не в силах избавиться.

– Спрашивайте.

– Неужели действительно можно предсказать будущее?

– На это были способны несколько человек, настоящих ясновидцев. Да вы о них слышали: Кассандра, Жанна д'Арк, Нострадамус, Вольф Мессинг... Ну и, конечно же, библейские пророки.

– А вы?

– О нет, я просто артист эстрады. Мне пару раз из десяти удастся рассмотреть кой-какие фрагменты будущего. Вчера на вокзале так и случилось.

«Пусть даже двадцать процентов, все равно он полезен. Получить с его помощью информацию, которую не добудешь прослушкой – большая удача. Стоит наладить контакт».

– Знаете, о чем я подумал? Завтра у губернатора состоится ассамблея. Ну, наподобие тех, которые ввел в России Петр Великий: небольшие развлечения, фуршет, танцы. Будут только свои, ближний круг губернатора с женами, и вполне приличная закуска. Я прошу вас дать на ассамблее представление. И если удастся – предсказать нашей элите будущее.

– Не стоит, – встревожился маг. – Я и так корю себя за то, что на вокзале утратил осторожность. Правда бывает опасной, даже смертельной.

Отказ ясновидца только подстегнул желание полковника, а он умел убеждать людей.

– Согласен, – сказал полковник. – Правда не нужна обывателю, она может потрясти его недоразвитый ум и подтолкнуть к разрушающим действиям. Но руководителям знать правду о будущем необходимо, это может помочь им избежать ошибок в отношениях с простыми людьми.

– Думаете, их это заботит? – усмехнулся ясновидец.

– Так они говорят, – уклонился от прямого ответа Мостовой.

Маэстро смотрел на полковника внимательно:

– А вы сами-то верите в то, что говорите?

– Я только себе и верю.

– Ловко вы устроены...

– Антон Антонович, – подсказал полковник.

– Спасибо. Ловко вы устроены, Антон Антонович, – повторил маг. – Верить самому себе – редкое свойство для политика.

– Я не политик, я солдат, – сказал полковник. – Но я вас очень прошу дать представление на ассамблее.

- Хорошо, я приеду, – сказал Маэстро и встал. – В котором часу начало?
- Гости всегда собираются к восьми.

4

Губернатор Французов Вольдемар Викторович слыл эстетом. Коллекционирование произведений искусства сделало его большим поклонником обычаев и моды золотого девятнадцатого века, и с приходом к власти он стал активно внедрять их в жизнь. С этой целью губернатор отстроил себе бакенбарды, восстановил помещичью собственность, вернул некоторым армейским подразделениям форму гусар и кавалергардов, ввел в силовых структурах обязательное обращения «ваше высокоблагородие» и «ваше превосходительство» и возродил ассамблеи.

Супруги чиновников и предпринимателей с удовольствием подхватили идеи губернатора. В моду вошли платья на кринолине, титулы, кареты, балы и катания зимой на санях, запряженных тройками с бубенцами, а в меню обязательные блины с икрой. Автомобили стали считаться моветоном, и предприниматели гонялись за антикварными каретами и санями по всему свету. Поговаривали даже, что один из промышленников выменял собственную трехсотметровую яхту на золоченую карету королевы Анны Австрийской.

В дни, когда устраивалась губернаторская ассамблея, вход в его загородную резиденцию освещался множеством масляных фонарей, а гостей встречала охрана в зеленых камзолах с позументами. В руках они держали скрученные половики.

К восьми часам к резиденции губернатора начали съезжаться кареты и иномарки с синими проблесковыми маячками на капоте. На машинах явились те горемыки, кому еще не удалось приобрести престижную карету (не новодел, а настоящую, с гербом на дверцах!), и только наличие маячков на машинах давало им право присутствовать на губернаторской вечеринке.

Охранники бросались к очередной карете, распахивали дверцы, отбрасывали ступени и, уложив перед ступенями половики, помогали даме в бальном платье выбраться из кареты. С непривычки дамы в первое время выбирались из кареты задом с большой неловкостью, (зрелище малоэстетичное), но потом обвыклись, вальяжно спускались по ступеням, расточая улыбки окружающим. Тем, кто прибыл на автомобилях, охрана не помогала, мужьям, вынимавшим жен из машин так, чтобы не измять рюшечки и фижмы их бальных платьев, приходилось приспосабливаться самим.

Уже совсем стемнело, когда, гремя гусеницами, к подъезду подкатил танк. Танк, конечно, не является ни каретой, ни автомобилем, но кто же осмелится не пустить на бал хозяина танка? Особенно когда известно, кто он.

— Это все, — сказал один из охранников напарнику. — Командующий округом всегда приезжает последним.

Люк открылся, и из танка выбрался маленький человечек с пышными усами. На его мундире золотом отливали маршальские эполеты, на поясе болталась сабля, а на сапогах блестели шпоры. Звеня шпорами и сдергивая на ходу с головы буденовку, маршал живо вбежал в услужливо распахнутые охранником двери.

Зал, куда вошел маршал, был представительским: мозаичный паркет, облицованные мрамором панели, обтянутые бордовым бархатом стены. Возле камина, в котором ярко потрескивали поленья, стояло два глубоких кожаных кресла. Чуть поодаль — большой концертный рояль. В противоположном углу был накрыт длинный стол «а ля фуршет». На камине и на столе оплывали свечи в тяжелых бронзовых канделябрах. На галерее второго этажа расположились музыканты. Звучала музыка Шопена.

В зале находилось человек тридцать высших чиновников — ближайшее окружение губернатора — и их жены. Жены сгрудились возле супруги начальника таможни и с завистью рассматривали новую сумочку фирмы «Глория», сделанную из перьев квезали, — вымираю-

щего вида священных птиц народа майя. На вопрос о стоимости сумочки жена таможенника царственно пожала плечами: «Не знаю, подарок мужа». Она наслаждалась всеобщим вниманием, пользуясь тем, что еще не появилась Диана.

О, эта Диана – головная боль и предмет зависти женщин и восхищения мужчин высшего света. В прошлом модель, танцовщица и победительница конкурса красоты, Диана была возлюбленной Вольдемара Викторовича и занимала пост советника губернатора. Примиряло матрон губернии с «этой выскочкой» только то, что она никогда не станет первой леди. Ибо после развода с первой женой губернатор сделался ярым сторонником демократии и дал обет больше никогда в брак не вступать.

– Чтобы не появился законный наследник и у народа не возникло желание отказаться от демократии и вернуть монархию, – объяснил он свою позицию во время телевизионного интервью сразу после инаугурации. – Нет, я уж лучше так, без регистрации...

И хотя в глубине души Диану покорило это заявление, внешне она отреагировала спокойно, ибо и без священных уз брака обладала влиянием на губернатора большим, чем любая жена на законного мужа.

Без жен на бал явились только семеро: сам маршал, директор Пенсионного фонда толстяк Пухов, заведующий департаментом юстиции Астриль, главный прокурор губернии Комов, братья-близнецы по фамилии Ге и известный режиссер Карачумов в своей неизменной бескозырке. Начальники департаментов финансов и экономики в наказание, что допустили кризис, настигший губернию, на бал званы не были.

– Довели губернию до нищеты, вот пусть теперь сидят дома и думают, как исправлять ситуацию, – заявил губернатор, когда составлялись списки приглашенных.

Маршал приветствовал мудрое решение губернатора. Штафирки, всего-навсего начальники департаментов, чины, по его маршальскому разумению, не выше майора, а какими миллионами ворочают! А дать ратному ветерану безвозвратную ссуду пожадились, сволочи! Ведь, можно сказать, слезно просил жене на простую шубку. Она мерзлячка, ей без соболиной шубки никак нельзя!..

Сейчас маршал напрямик направился к столу, где уже обосновались Пухов, держащий в руке бутерброд с двойным слоем антрацитового блеска икры, Комов, налегающий на лососину, и Карачумов. Режиссер, как личность исключительно духовная, пил виски безо льда, не закусывая. Остальные кучковались группками в разных концах зала. Только Астриль в одиночестве прихорашивался у окна да братья Ге о чем-то страстно беседовали в дальнем углу залы. Близнецы заведовали департаментами прессы и культуры, но кто каким – ни они сами, ни их сотрудники разобраться не могли.

– Опять на закуску куриные жульены, – с обидой в голосе сообщил толстяк маршалу. – Как вам это нравится?! Кругом же птичий грипп свирепствует.

– Четыре капли молока на стакан спирта, и грипп как рукой снимет. Проверено мной лично. – Маршал любил рекомендовать этот коктейль как средство от всех болезней.

– Никто нас не любит, даже гриппозные куры, – грустно пожаловался Астриль, жеманные манеры которого не оставляли сомнения в его сексуальной ориентации. – Вчера в интернете написали, что я совращаю мужчин, используя служебное положение. Эти журналисты все время норовят в чужую постель влезть.

– А меня обвиняют в использовании пенсионных средств в личных целях, – пробасил Пухов.

– А разве нет? – отправляя в рот очередной кусок лососины, насмешливо спросил прокурор.

– В суде не доказано! – Возмущению Пухова не было границ.

– Если желаете, докажем, – сказал прокурор. – И привлечем.

Пухов хотел спросить прокурора – что, мало дал, еще нужно? Но вспомнил, что рядом находится маршал, и смолчал: маршал был другом прокурора и любил размахивать саблей.

– Нужно приструнить журналистов, – сказал Астриль, приближаясь к столу. – Слишком много воли они себе взяли. У нас же есть закон о частной жизни государственных чиновников.

– Следует использовать танки, а не законы, – по-военному деловито заметил маршал. – Танк – штука особая. Его только заведи, а там он с вашими журналистами сам разберется.

Братья Ге к беседе о танках и законах не прислушивались, их обоих поглотила борьба с невидимыми зелеными чертями, в очередной раз внезапно напавшими на Ге первого. Черты скакали по его плечам и груди, прятались в волосах, и Ге второй в меру сил помогал брату.

– Кыш, гниль зеленая! Кыш!.. – зло шептал Ге первый, раздавая щелчки направо и налево. – Изыди, кому говорю?! Всем головы поотрываю!

Но щелчки, видимо, на чертей не действовали, и он воззвал к брату:

– Ты их видишь?

– Вижу, вижу!

– Так бей их!

– А я что делаю?! – воскликнул Ге второй, с размаху нанося удар по плечу близнеца.

Мощный удар пробил брешь в рядах чертей, часть из них исчезла, а Ге первый обрел второе дыхание. Братья с удвоенной энергией принялись отлавливать неугомонную нечисть. Черты дразнили обоих, корчили рожи, заползали за воротник и за пазуху, дергали за волосы, щекотали, щипались. Короче – изощренно издевались над обоими, хотя должны были мучить только одного – Ге первого. Впрочем, эту свору, невидимую для посторонних глаз, можно понять, ну как им отличить правого от виновного, если даже самим братьям сделать это никак не удавалось.

Губернаторские гости с войной близнецов и чертей были давно знакомы, окружили братьев и следили за их акробатикой с удовольствием, как-никак, а развлечение. Даже музыканты сменили тихую музыку на бравурный военный марш.

– Мочи их! – кричал, входя в раж, маршал. – С флангов заходи, с флангов!

– Отче наш читай и крестом, – старался перекричать маршала режиссер. – Крестом осеняй!..

Всем стало весело. Толстяк Пухов, забыв об опасности гриппа, съел несколько куриных жульенов, а маршал отложил в сторону саблю, чтоб не мешала жестикулировать, чем поверг всех гостей в изумление – известно, что он даже спит с ней.

Тут же организовался тотализатор. Ставили в основном на чертей, ставки шли восемь к одному. В зале стоял гул.

Нет, что ни говори, а вечеринка началась хорошо, по-дружески и беззаботно. Так беззаботно, что гости даже не заметили, как в зале появились Французов и Диана. Едва взглянув на своих гостей, Вольдемар Викторович заскучал:

– Нет, чтобы в лото играли...

Гости наконец заметили губернатора, галантно склонились к ручке Дианы и замерли в ожидании.

– К столу, господа! И, пожалуйста, никаких разговоров о делах. Наполним бокалы! – провозгласила Диана.

– Наполним бокалы! – радостно вскричал Ге первый.

– Вы спасли моего брата, мадам, – склонился к руке Дианы Ге второй. – Черты боятся вина больше, чем ладана. Достаточно дать им пару бокалов, и они угомонятся.

Замершее веселье разгорелось вновь. Шумно направились к столу, шумно выпили. Воздух наполнился винными парами и свечным чадом. Решили потанцевать. Музыканты на галерее заиграли полонез Огинского. Гости разбились на пары. У тех, кто явился без жены,

пары, естественно, не было. Но и они не скучали, душой отдаваясь музыке. Полонез в паре с алкоголем навевал чувственное томление.

Астриль не стал бороться с нахлынувшим желанием и попытался увлечь на танец прокурора, но цели своей не достиг: прокурор был занят, активно помогая братьям изгонять вином чертей, ибо двух бокалов для окончательной победы над выкормышами дьявола оказалось недостаточно. Астриль демонстративно удалился в угол, грыз носовой платок и бросал в сторону прокурора обиженные взгляды. И только толстяк Пухов чувственности не поддавался. Зная, что губернатора потешают его выходки, он, пыхтя, отдуваясь и обливаясь потом, выплясывал под полонез матросское «Яблочко». Затем поскользнулся и, пытаясь удержать равновесие, заскользил по зеркальному паркету, как по льду, – качаясь, размахивая руками, балансируя всем телом и взвизгивая. Французов рассмеялся.

Танец кончился. Диана, обрадованная тем, что губернатор повеселел, воскликнула:

– А теперь сюрприз от Антона Антоновича, господа!

Ге первый поперхнулся вином. И, слава богу, что не захлебнулся. Он, как и остальные приглашенные, хорошо знал, какие бывают сюрпризы у начальника Службы безопасности. Музыканты мгновенно присели и затаились за балюстрадой балкона.

– Нет-нет! – Губернатор еще больше развеселился, видя страх подчиненных. – На сей раз никаких разоблачений, сюрприз настоящий. Полковник отыскал для нас ясновидца.

Вздых облечения ветерком пронесся по гостиной.

– Замечательно, – кокетливо сказал Астриль. – Правительства многих цивилизованных стран пользуются услугами ясновидцев.

– Цивилизованные страны, цивилизованные страны! – громко воскликнул режиссер и, сдернув с головы бескозырку с надписью «Варяг», в ярости шмякнул ею об пол. – До коих пор будем на них равняться, до коих пор будем унижать наш талантливый народ?!..

– Странный вопрос, – с неприязнью сказал маршал. – Вы это о дедовщине?

В гостиную Мостовой ввел Маэстро. За ними ассистент Рыжаков с прической апельсинового цвета вкатил тележку, покрытую серым сукном. На ней стоял черный ящик. Ассистент бросил взгляд в сторону стола, разглядел яства, сглотнул набежавшую слюну и выкатил тележку на середину комнаты. Последним в комнату вошел охранник и застыл возле дверей, держа руку на открытой кобуре: кто знает, может, в ящике фокусника скрывается террорист.

– Прошу простить за опоздание, но у нас только что кончился плановый концерт, – сказал с поклоном Маэстро, и представление началось. Ассистент, кривляясь, помогал магу.

Фокусы у них были так себе: букет цветов из рукава, кролик из шляпы, исчезающая в стакане вода, разрезанная и склеившаяся сама по себе веревка и тому подобное, годящееся разве что для третьесортного кабаре. Гости начали скучать, Диана с трудом скрыла зевок. Один только маршал был в восторге и после каждого фокуса шумно аплодировал, да Карачумов истово крестился, защищаясь от происходящего у него на глазах – не иначе как дьявольского! – волшебства.

Мостовой с иронией наблюдал за гостями.

– Не надо больше фокусов, Маэстро, – внезапно попросил он мага. – Займитесь предсказаниями, расскажите о нашем будущем.

– Просим, просим, – улыбнулся Французов.

– Начинайте, шеф! – поторопил мага, подмигивая зрителям, крашенный ассистент. – Нам обещан тройной гонорар.

– Про-сим, про-сим! – скандировали гости.

– Значит, хотите знать свое будущее? – Маэстро внимательным взглядом обвел присутствующих.

– В пределах разумного! – одновременно воскликнули близнецы.

– И без оценки личных качеств, – опасливо добавил Астриль.
– Слишком много условий и ограничений. – Маг нашел предлог для отказа и повернулся к полковнику. – Поставленная передо мной задача в таких условиях невыполнима.
– Поведайте будущее мне, – раздался голос губернатора. – Без условий и ограничений. Ясновидец молчал, глядя на губернатора.
– Ну, пожалуйста, – попросил Вольдемар Викторович. В его глазах читалось искреннее желание человека, замороженного ложью и лестью, услышать правду.
– Хорошо. Пожалуйста, протяните левую руку ладонью вверх, – Маэстро взглянул на потолок. – Чересчур много света, господа. Огонь свеч, отраженный хрусталем люстр, слепит глаза.
– Свечи сейчас погасим, – сказал Мостовой.
– Не все, – попросил Астриль. – В темноте мы же не сможем отыскать себе пару.
– Глупости! – раздалась женские голоса. – Совсем наоборот, темнота способствует!
– Мы в землянках тоже, при лучине... это самое, – поддержал женщин маршал. – И ничего, как сейчас помню, справлялись! – И тут же осекся. – Пожалуйста, жене это не пересказывайте.
– Я вас слушаю, Маэстро. – Губернатор протянул руку вперед, ладонью вверх.
Маэстро взглянул на руку, затем в глаза Французова. Французов вяло улыбнулся, и взор его затуманился.

И сквозь туман проступила пыльная дорога, по которой под палящим солнцем ползли повозки с впряженными в них рабами. Рядом брели надсмотрщики, разомлевшие от жары, и лениво щелкали бичами. И среди надсмотрщиков Французов вдруг увидел себя. Перед ним возник какой-то сидящий на повозке изможденный человек. Французов привычно ткнул его в спину рукоятью бича: «Пошевеливайся!..»

Человек поднял голову, взглянул на своего мучителя и внятно произнес: «Ты за это еще заплатишься!..»

Маэстро отпустил руку губернатора, щелкнул пальцами, и тот открыл глаза.
– Очень странно... – Маэстро был огорошен тем, что увидел, и не сумел скрыть этого. – Этого не может быть. Те же линии, те же пересечения...
Губернатор вопрошающе взглянул на мага.
– Я недавно встречал человека, звезды которого... Простите, я поражен. Если сказать проще, пути ваших судеб совпадают.
– И что это значит? – улыбнулся Французов.
– Ваша судьба начнет повторять судьбу другого человека. Если ему будет плохо, начнете страдать вы, если его покинет покой, вас истерзает бессонница.
– Прямо как у близнецов! – воскликнул один из братьев Ге.
– Помолчите! – Полковник внезапно почувствовал какое-то внутреннее напряжение. Так бывало, когда просыпалась его интуиция.
В гостиной повисла тишина.
– Подождите меня внизу, – предложил полковник ясновидцу. – Я сейчас выйду. – И дождавшись, когда ясновидец с ассистентом покинули гостиную, повернулся к притихшим гостям. – Все, о чем сейчас сказал ясновидец, рекомендую забыть навсегда. Ясно?
– А я ничего и не понял, – признался маршал.
– Тем лучше. – Антон Антонович стремительно вышел из зала.
– Все это чепуха, – сказал Вольдемар Викторович и почувствовал, что заноза тревоги воткнулась в сердце. И задохнулся. Как в детстве, когда, страшась темноты, он зарывался с головой под одеяло и поджимал под себя ноги, чтобы сделаться меньше и незаметней. Но

там, под одеялом, вдруг начинало казаться, что он уже никогда не сможет выбраться наружу, и тогда он с воплем вскакивал и мчался в спальню к родителям. Отец подсмеивался над его страхами, а мать жалела, ласкала.

Губернатор вспомнил мать, ощутил ее теплую руку на голове, и заноза, сидящая в сердце, выскочила, воздух поступил в легкие.

– Полная чепуха, – уже гораздо уверенней повторил он.

– Богопротивный человек, – кратко охарактеризовал происшедшее режиссер. – Одно слово – артист! Кто-кто, а я знаю, чем дышат эти сукины дети.

– Но ассистент у него хорошенький, – с нежностью заявил Астриль. – Рыженький, как апельсин. Так и хочется съесть...

– Мостовой рекомендовал все забыть, и он прав, нечего чепуху обсуждать, – сказала Диана и пробежала пальцами по клавишам рояля. Зазвучала мажорная музыка. На галерею вновь вернулись музыканты. Близнецы переглянулись и направились к столу. За ними потянулись и остальные. И вновь наполнились пенистым вином бокалы.

Маэстро ждал Мостового на ступенях дворца. У входа стоял микроавтобус с работающим мотором. Ассистент курил чуть в стороне, прикрывая огонь сигареты от ветра ладонью. У его ног стояли чемодан с приспособлениями для фокусов и складная тележка.

Полковник появился за спиной ясновидца бесшумно, как кот на охоте.

– Кто тот человек, от судьбы которого зависит судьба губернатора? – без предисловий спросил он.

– Не знаю, – ответил Маэстро, не поворачиваясь. – Я видел его один единственный раз. Позавчера, на вокзале.

– Вы же мне говорили, что он кассир в банке и что его зовут Самсон, – вмешался в разговор ассистент.

Полковник улыбнулся: ассистент, оказывается, свой парень – закладывает шефа без зазрения совести. Не забыть бы о нем после. И внезапно в его голове мелькнула и тут же исчезла какая-то важная мысль.

От волнения Мостовой даже вспотел. «О чем же я подумал? О чем?.. Ага, что-то о том, что докладывал Кривошей, какому-то кассиру ясновидец предсказал конец в доме умалишенных. А значит... Черт возьми! Вот он, долгожданный случай, вот он – здесь и сейчас!..»

Больше вопросов начальник ГСБ задавать не стал и мага за сокрытие информации не укорил.

– Садитесь, – пригласил он Маэстро и ассистента, распахнув дверцу машины. – Вас отвезут домой. Причитающийся гонорар уже перевели на ваш счет.

Ассистент загрузил в машину багаж мага, и машина тронулась с места.

Как только машина скрылась, полковник присел на ступени. «Нет, не будем торопиться, – размышлял Мостовой. – Необходимо во всем разобраться, получить доказательства пророчества. Если окажется, что маг прав, откроются неоценимые возможности. Однако мне одному, без помощи соратника не обойтись. Тут нужна женщина, и женщина отчаянная...»

Мостовой достал из кармана мобильный телефон и набрал трехзначный номер.

– Немедленно найти Самсона, которому гадал Маэстро на вокзале, и наладить постоянное наблюдение. Приступайте!

5

В совершенно безлюдный бассейн вошла Диана, сбросила с себя халат и обнаженной нырнула в воду. Она стерегла эти утренние часы, когда губернатор запирался в кабинете. Можно было нежиться в теплой воде в одиночестве и размышлять о своем положении. Оно все еще оставалось не проясненным. Зная об отношении к себе жен сановников, она уже давно оставила мысль повторить историю Екатерины Первой. Семь лет она находится в роли фаворитки и секретаря. Еще четыре года – и тридцать, а там – четвертый десяток!..

Диана была младше Французова ровно вдвое и понимала, что, когда Вольдемару придется оставить губернаторство, она останется в лучшем случае служанкой при стареющем отставном политике. И хотя сейчас он заботливый и любящий, кто знает, как сложится. Он какой-никакой, а мужчина, вдруг найдет себе кого-нибудь помоложе. Что-то нужно было сделать, что-то предпринять, чтобы повернуть его лицом к браку. Но ничего путного в голову Диане пока не приходило.

Диана несколько раз пересекла бассейн и легла на спину, чтобы передохнуть. Сквозь стеклянную крышу бассейн заливали лучи весеннего солнца.

Гулкие шаги нарушили ее покой. Диана увидела шедшего вдоль борта Мостового. В руках он держал ее халат.

– А, полковник!.. – весело воскликнула Диана. – Я здесь одна, голая, вокруг ни души, а Волик (иногда она позволяла себе такую вольность) ревнив, как черт. У него даже бакенбарды, когда ревнует, наливаются кровью. Вы подвергаете себя опасности, полковник.

– Сейчас речь идет об опасности, которой подвергаемся мы все, – сказал Антон Антонович и присел на корточки на краю бассейна. – Вы помните вчерашнее предсказание ясно-видца?

– Помню. Но при чем тут мы?

– Я выяснил, что человеку, с судьбой которого связана судьба Вольдемара Викторовича, маг напроорочил конец в сумасшедшем доме.

– И это значит, что наш Французов... – Диана сообразила, какая ей в дополнение ко всем мыслям грозит беда, если Вольдемар окажется душевнобольным. Как тогда одинокой женщине балзаковского возраста жить без средств и профессии в этом дышащем неприязнью к ней окружающих, мире? – Какой ужас!..

– Вот именно, – сказал полковник. – Мы оба потеряем все.

– Неужели ничего нельзя изменить?

– Можно и даже необходимо. Но одному мне не справиться. Вы нужны мне.

– А что я могу сделать? – удивилась женщина.

– Для начала рассказывать мне, как будет вести себя Вольдемар в ближайшие три – четыре ночи.

– Все? – переспросила женщина.

– Все. Интимные подробности тоже. – Полковник уже не объяснял, приказывал.

– Нет, это невозможно!..

– Разве? – с нескрываемой иронией спросил полковник. – Вы же не хотите, чтобы Вольдемар Викторович кое о чем узнал.

«Знает! Все знает!» – пронеслось в голове Дианы. Перед ее глазами возникли похотливые лица мужчин, сгрудившихся у подиума, торс жирного устроителя конкурса красоты, предложившего тиару победительницы взамен групповых любовных утех, и поняла, что ее будущее в руках всезнающего полковника. Что ж, чтобы спасти свое будущее, ей придется многим поступиться.

– Хорошо, я буду вам обо всем докладывать. Мораль и нравственность в таких случаях не столь великие жертвы, не так ли?

– Я восхищен вашим умом, мадам. – Мостовой изящно нагнулся к барьеру бассейна, за который держалась женщина, и поцеловал ей руку. – И безмерно рад, что мы отныне заодно.

– Заодно, – согласным эхом отозвалась Диана.

После ухода Мостового Диана спустилась в сад и долго в задумчивости бродила по аллеям...

6

Не имея семьи и друзей, Самсон всей душой вдруг потянулся к новым вокзальным знакомым. Он никогда раньше не чувствовал себя с людьми так свободно. Особенно с Марией. Единственная его девушка, с которой дружил еще до призыва на срочную службу, буквально через месяц после его отъезда начала встречаться с другим парнем. Удар был так силен, что он даже попал в госпиталь с нервным истощением. С тех пор он избегал женщин. Что же касается мужчин, то они смотрели на Самсона свысока, и, бывая в компаниях, он всегда остро чувствовал их презрение. А вот эти, которые на вокзале, они другие. «Маэстро и Мария были добры ко мне. Сегодня пятница, непременно пойду к ним», – думал Самсон, с нетерпением ожидая звонка, возвещающего конец рабочей недели. Но, как назло, эта пятница тянулась томительно долго, стрелки часов, казалось, остановились. Не выдержав ожидания, Самсон отпросился у старшего кассира, сославшись на сильную головную боль, и ушел за час до конца работы.

Ноги сразу повели его на вокзал. Он торопился и не обратил внимания, что сзади следует человек в сером плаще.

Кривошей проследил за ним до привокзальной площади и, когда Самсон скрылся в здании, зашел в телефонную будку. Мог бы, конечно, позвонить по мобильнику, но, будучи сотрудником спецслужбы, знал, что враги не дремлют и со спутника отслеживают мобильники всех истинных патриотов.

– Он на вокзале, – кратко сообщил он своему абоненту.

– Чтобы не привлекать к нему внимания, задержите еще несколько человек, – распорядился Антон Антонович, выслушав донесение. – Находитесь на месте, сейчас подтянется подкрепление.

Кривошей повесил трубку, стукнул кулаком по автомату, достал из щели кучу монет, выпавших после удара, и отправился в зал ожидания.

В зале Кривошей застал уже знакомую ему картину: стрелял в тире Бюргер, восхищенно взирая на стрелка Милочка, и о чем-то горячо беседовали Живчиков и Колунов. Мария, Маэстро, ассистент Рыжаков и Самсон, поставив на попа чемодан с приспособлениями для фокусов, готовились расписать пулю.

– Все, чего нам не хватает, – размахивал руками Живчиков, – так это культуры! Культуры быта, культуры взаимоотношений, нравственной и правовой культуры, наконец!

– Продуктов питания тоже не хватает, – заметил Кривошей, подходя к Живчикову и Колунову.

– Потерпите, все народу дадим, – заявил Колунов. – Мы нашли прекрасное биологически чистое удобрение, которое повысит урожайность в три раза. Прелые листья! Их по осени столько, что даже экспортировать можно. Я уже заложил несколько тонн в силосную яму и запатентовал свое ноу-хау.

– Проверьте в интернете, может, кто-то уже запатентовал эту идею, – посоветовал Живчиков.

– У нас в деревне еще нет интернета, – с обидой в голосе сказал Колунов.

– В наш век?! – поразился Кривошей. – Вот власть, совсем о людях не думают! – Во время спецопераций он всегда старался внедриться в среду противников.

Живчиков встал и молча направился в туалет. А Колунов достал из мешка бутерброд с толстым куском колбасы, завернутый в газету, и, отвернувшись от Кривошея, принялся сосредоточенно жевать. Глаза его заволкло дымкой наслаждения.

Кривошею ничего другого не оставалось, как направиться к другой компании.

– Сегодня меня утомил один клиент, – говорил Самсон, пока Рыжаков сдавал карты. – То я выдал ему старые купюры, то слишком малого номинала. Час от окошка не отходил.

– Клиенты – народ привередливый, – согласилась Мария. – Им и поза не та, и экстаза мало. За гроши они еще и класс требуют.

– Мизер, – заявил Самсон, подняв свои карты.

– Уверены? – удивился Маэстро.

– Пусть садится, – сказал ассистент. – Вам-то какое дело?

Самсон только улыбнулся. Он просто радовался покою, возникшему в нем от присутствия Марии и Маэстро.

Снаружи слышались сирены полицейских машин, визг тормозов, и в зал с топотом и криками ворвалась группа бойцов в камуфляжах, черных масках и с автоматами наперевес. Впереди группы бежал офицер в металлической кирасе и каске с цветным гребнем и воинственно размахивал жестяным рупором.

Люди, находящиеся на вокзале, остолбенели. Один из бойцов подскочил к Бюргеру, вырвал из его рук ружье и ударил прикладом в спину. Бюргер упал, и зал огласился болезненным криком Милочки:

– Убили!..

– Всем лечь! – прокричал в рупор офицер. – С вами говорит сотник Яровой! Всем лечь мордой в пол!..

– Лежать! Руки на голову! – орали бойцы.

– Делайте, что они говорят, – громко сказал Маэстро.

Все присутствующие повалились на пол. Офицер подошел к Кривошею.

– Кого?

– Всех, – ответил Кривошей. – Поместить в изолятор. Вон тому, плюгавому, создать жесткий режим содержания. Зовут Самсон.

А бойцы уже надевали на лежащих людей наручники и вытаскивали их из вокзала на площадь, окруженную по всему периметру воющими полицейскими «газиками». Арестованных затолкали в громоздкую карету с наглухо заколоченными окнами и расписанными снаружи рекламой цветочного магазина бортами. Для более полной маскировки рядом с кучером сидела цветочница, раздающая направо и налево чмокающие звуки воздушных поцелуев. Из рупора, установленного на крыше, неслась веселая музыка.

Через несколько минут площадь опустела.

Карета катила по изрытым, в трещинах и выбоинах, оставшихся после ремонта тепло-трассы, мостовым. Внутри было темно, арестованных трясло и кидало из стороны в сторону. Сзади и спереди шуршали по булыжникам колеса полицейских машин, и кричала в мегафон цветочница. «Цветы – лучший подарок любимым! Доставка на дом прямо из голландских оранжерей!» – доносилось во тьму кареты.

После долгой езды карета остановилась. Слышался крик кучера «Открывай!» и скрежешущий скрип железных ворот.

Карета вкатилась во двор тюрьмы. Дверцы распахнулись. В глаза арестованным ударил яркий свет прожекторов, направленных на них с вышки.

– Выходи по одному! Первый – пошел! Второй – пошел!

Надзиратели выгрузили людей и, ни слова не говоря, отвели в камеру. Камера представляла собой маленькое и абсолютно пустое помещение с одной тусклой лампочкой под потолком. Воняло мышами. На ядовито-зеленых стенах белели процарапанные нецензурные надписи, даты и имена. От длинного тюремного коридора камеру отделяла широкая решетка.

– Отбой! – прохрипел надзиратель, запирая за ними решетку. – Услышу хоть один звук – отправлю в карцер!

Напуганные и измученные дорогой люди молча расселись по углам.

– Но за что? – прошептал Бюргер.

– Я, кажется, предупреждал! – загремел в камере голос надзирателя. Звук шел из черной тарелки репродуктора, висящей на стене. И тут же звякнул засов, решетка отъехала в сторону, и появился сам обладатель этого голоса.

– Кто разговаривал? – спросил надзиратель, поигрывая дубинкой. В камере возникла напряженная тишина, нарушаемая всхлипываниями Милочки. – Не доводите до греха, у охраны тоже есть нервы, и они не железные. Опять спрашиваю: кто разговаривал?

– Клянусь, я больше не буду, – выдал из себя Бюргер.

– Не будешь, – согласился надзиратель. – Никто не будет. – И обрушил несколько ударов дубинкой на стоящего поблизости Самсона. Самсон застонал и упал ничком на пол. – Это в качестве наглядного примера!

Страж вышел из камеры.

– Мерзавец! – крикнула ему вслед Мария. Из репродуктора раздался громкий презрительный хохот.

Мария присела рядом с Самсоном, положила его голову себе на колени.

Свет в камере погас. Самсон, скрючившись, лежал на коленях Марии и страдал не столько от боли, сколько от осознания собственной беспомощности. Мария легко покачивала его плечо. «Так делал отец», – вспомнил Самсон и незаметно погрузился в сон...

Внезапно ночную тьму разорвал громкий крик.

– Подъем!.. – орал репродуктор.

Самсон открыл глаза. Голова его по-прежнему покоилась на коленях Марии.

– Вы стонали, Самсон, – сказала Мария. – Ворочались и стонали.

– Плохие сны, – хрипло сказал Самсон и осмотрелся. Сокамерники, кто как умел, разминали затекшие из-за неудобного ночлега тела. За зарешеченным окошком брезжил мутный рассвет.

Утро арестованные провели тихо, задумчиво.

– Странно, что до сих пор не пришел дознаватель, – сказала Мария, когда куранты в репродукторе пробили полдень. – Меня много раз арестовывали за проституцию, и всегда дознание начиналось с утра.

– И завтрак не принесли, – заметил Колунов.

Эти невинные реплики взбудоражили всех. Как-то забылось тюремное требование тишины, вчерашнее избиевание Самсона, и стало вскипать возмущение.

– Нет, не понимаю, – поднял голову Бюргер. – Я же только стрелял. Тир для того и поставлен, чтобы пассажиры могли культурно проводить время.

– Полное нарушение прав человека, – заявил Живчиков.

– Плевать на права! – воскликнул ассистент. – Но у нас сегодня три концерта! Придумайте что-нибудь, Маэстро, мы же теряем бабки!

– Не волнуйтесь, все образуется, – попытался успокоить сокамерников маг.

– Перед лицом несчастья мы должны объединиться, сплотить усилия и отстоять свои права, – прошептал Живчиков. – Это же произвол.

– Точно! Долой произвол! – громко воскликнул Бюргер.

Восклицание Бюргера обидело Живчикова, в конце концов, это он придумал слоган, он первым произнес его. И Живчиков, несмотря на холодок, возникший внизу живота, отчаянно закричал:

– Громче, граждане. Громче! И все вместе: долой произвол! Пусть от нашего гласа падут темницы! Бороться до конца!

– Только без голодовок, – потребовал Колунов.

Но на его требование никто не обратил внимания.

– В чем дело? – спросил возникший перед решеткой надзиратель. Не тот, что вчера избил Самсона, другой. И в руках держал не дубинку, розги. – Почему буяните?

– Мы не виновны, – заявил Живчиков, выступая вперед и гордясь собственной смелостью. – Существует презумпция невиновности.

– И невинности, – добавила Мария. – Хотя я слышала, что сейчас и то и другое восстанавливают за деньги.

– А еще и не кормят, – пожаловался фермер.

– Потерпите. В кризис кормить предателей запрещено, – заявил охранник. – На этот счет имеются четкие инструкции.

– Мы не предатели! – заявил Рыжаков.

– А кто?! У нас благоразумных граждан в тюрьму не сажают. И прошу больше не нарушать тишину изолятора. Вам все ясно, Самсон?

– А при чем тут я? – растерялся Самсон.

– Молчать! – рявкнул надзиратель, помахивая розгами. – Еще раз тебя услышу – пропишу полсотни ударов!

– Правильно, так и надо! – воскликнул ассистент. – Их племя настоящие предатели!

– Бить я умею, не сомневайтесь. И лицензию на право физических наказаний имею, – никак не мог успокоиться надзиратель.

Пока он наводил порядок, Бюргер отвернулся, достал бумажник, вложил в паспорт несколько банкнот и сквозь решетку протянул паспорт надзирателю.

– Это мой паспорт. Посмотрите, там внутри документ, удостоверяющий мое личное благоразумие.

Надзиратель открыл паспорт, взял деньги, проверил их подлинность на свет и на ощупь, и спрятал купюры в карман.

– Документ не фальшивый. Вполне возможно, что вас задержали ошибочно. – Он открыл двери камеры и стал на пороге. – Пройдемте со мной, разберемся.

Бюргер направился к выходу, но его поймала за рукав Милочка.

– А я?!.. – вскричала она. – Вы бросаете в беде девушку, которая целую неделю любила вас?!..

– Любить умеет, правда, – отбиваясь от Милочки, объяснил надзирателю Бюргер. – Очень темпераментная дама.

– Да? – заинтересовался надзиратель.

– Вы можете сами убедиться в этом! – недвусмысленно пообещала Милочка.

– Проверим. – Надзиратель выпустил Милочку, игриво шлепнув ее по заду дубинкой, и запер камеру на засов.

– Когда выйдешь, сразу иди в бордель к мадам Розе, что на углу Конюшенной, – посоветовала Мария. – Тебя туда без протекции примут.

– Дура! – крикнула Милочка, торопясь за надзирателем. – Ради свободы можно пожертвовать всем, даже телом!

– Я так и не понял, получим мы пайку или нет? – спросил Колунов, когда они скрылись из виду. Но его вопрос остался без ответа.

Молчание нарушил Маэстро.

– Самсон, – сказал он. – Никогда не соглашайтесь изменить свою жизнь.

– Вы опять о своем видении? – воскликнула Мария. – Сколько можно пугать человека?!..

– Простите, – проговорил Маэстро. – Я не собираюсь его пугать, я хочу его предупредить. Неужели вы не видите, что над ним нависла беда?

– Да, я это тоже чувствую, – Самсону было страшно. – Со мной надзиратели не так, как со всеми! А почему? В чем я провинился?! В чем?! Маэстро, вы ясновидец, должны знать! – И он разрыдался, по-бабьи горько и бесстыдно. – В чем я провинился?..

– Это уже истерика! – с нескрываемым удовлетворением воскликнул Рыжаков. – Сейчас успокою! – Он вскочил и влепил Самсону крепкую пощечину. На щеке Самсона вспухло красное пятно. – Слизняк!..

Самсон затих. В камере вновь воцарилось молчание.

7

Прошли день, ночь и еще день. Губернатор сидел в большом зале у камина и листал газеты. В газете «Новь» петитом была напечатана заметка об аресте людей на вокзале. Журналист требовал навести порядок в правоохранительных органах и защитить невиновных. Заметка заканчивалась словами: «Губернатора почему-то не тревожит нарушение прав человека в Александровске».

Французов знал эту газетенку, постоянно порочащую власть, и заметка его не удивила. Но возникла опасность, что с целью увеличения тиража эту тему поднимут и другие газеты, даже здравомыслящие.

Вольдемар Викторович вспомнил времена, когда журналист за подобную заметку мог оказаться на Колыме, вспомнил отца, постоянно повторяющего: «Везде притворяйся глухим», и вздохнул. Да были времена, он их еще застал, – времена запретов, дешевой водки и праздников под гармонь. Но было и хорошее. Потому и восклицали интеллектуалы на телевизионных шоу: «Ах, политехнический!..» Перебор, конечно. Но в те времена телеведущая дива постыдилась бы сказать с экрана, что галерея Уффици находится в Уфе, а Прадо – это только марка фирмы, выпускающая женские сумочки. А нынешняя без смущения несет эту глупость, сам слышал. По этому случаю даже вызвал на ковер обоих братьев Ге. Их встреча зафиксирована стенограммой.

Стенограмма беседы

Губернатор. Как вы могли выпустить на экраны подобную дуру? Наш канал смотрит вся страна. Что скажут люди?!

Ге-2. Скажут, что в Александровске красивые женщины.

Губернатор. При чем тут ее красота? Я говорю о знаниях и об уме ведущей передачи.

Ге-2. Но она же блондинка, ваше превосходительство. И грудь шестого размера.

Губернатор. Бред какой-то!..

Ге-1. Я ему так и сказал, э, брат...

Ге-2 (перебивая). Нет, это я сказал, э, брат...

Губернатор. Так что вы оба сказали?

Близнецы (вместе). Э, сказали мы с братом: она же женщина.

Губернатор (нервно). Ну и?

Ге-2. Женщины, ваше превосходительство, бывают двух категорий.

Ге-1 (добавляет). Прелесть какая красавица...

Ге-2 (добавляет). И ужас какая умная.

Ге-1. Других нет.

Близнецы (вместе). Э, сказали мы с братом, ум нужнее...

Губернатор. Так и надо было поступить.

Близнецы (вместе). Но прелесть смотрится лучше!

Губернатор (вне себя). Кто из вас курирует СМИ?

Близнецы (указывая друг на друга, вместе). Он!

Губернатор. Значит, мое решение о служебном несоответствии получите оба! А теперь – вон, ко всем чертям!

Близнецы (*вместе, слезно*). Пожалуйста, тише, ваше превосходительство. Наши черти сейчас отдыхают. Если разбудим...

Губернатор (*кричит*). Вон!..

Вольдемар Викторович загрустил. Конечно, можно было бы уволить этих двух обалдуев, но где взять толковых руководителей на СМИ и культуру. Особенно для СМИ. Их можно только пожалеть, живут в постоянном страхе кому-нибудь не угодить.

Французов взглянул на газету, которую продолжал держать в руках, и еще раз вспомнил предшественников, боровшихся с любой критикой в свой адрес. «Глупцы, – подумал он. – Если бы позволяли прессе выпускать пар, то сидели бы в своих кабинетах по сей день. Людям нужно давать выговориться. Меня критикуют?! Что ж, флаг им в руки, собаки лают, а караван идет».

Это была последняя мысль губернатора. Из камина тянуло теплом, и к нему незаметно подкралась дрема.

Хлопнула дверь, послышался дробный стук женских каблучков.

– Что за манера входить без стука?! – вскричал Вольдемар Викторович. – Прости, – криво усмехнулся он, узнав Диану. – Это нервы. – И улыбнулся. – Я задремал, и мне приснилась бабушка. И пирожки с картошкой. Я любил пирожки с картошкой. Макал их в сахар, когда он был.

– Пирожки с картошкой в сахаре? – рассмеялась Диана.

– Это вкусней, чем нынешние пирожные. Чудесное было время.

– Пирожки с картошкой... – повторила Диана. – Ты называешь это чудесным временем?

– Много лучше сегодняшнего. Вот признаки настоящего. – Французов потряс газетой и швырнул ее в камин. Бумага вспыхнула, из камина потянуло гарью. – Тут пишут, что группу невинных людей держат в тюрьме без суда и следствия. Может, лгут, не знаю.

– Не лгут, – сказала Диана. – Но ты не беспокойся, Мостовой это сделал для твоей пользы.

– Какого черта?!.. – вскричал Французов. – Ты соображаешь, что говоришь?! – Губернатор хотел высказаться гораздо жестче, но запах Дианиных духов, таящий парижскую чувственность, заставил сдержаться.

– Полковник здесь, – спокойно проговорила Диана. – Поговори с ним, он все объяснит.

– Да, пусть объяснит!

– Сейчас, – сказал Антон Антонович. Он стоял у дверей и наблюдал за поведением губернатора.

– Нужно спрашивать разрешения, когдаходишь ко мне! – резко сказал Французов, и бакенбарды его покраснели. Французов всем говорил «ты», подчеркивая тем самым разницу в социальном статусе.

– Я спешил к вам, чтобы объясниться.

– Ты совершил преступление, арестовав невинных людей!

– Может, вспомните, что я вам друг? – улыбнулся Мостовой.

– В политике друзей не бывает.

– Если вы так думаете, я ухожу. – Полковник достал из нагрудного кармана френча сложенный вчетверо лист. – Вот мое прошение об отставке.

– Выслушайте его, ваше превосходительство, – твердо и настойчиво потребовала Диана. В сложных ситуациях она переходила на официальный тон. – Это очень серьезно.

Губернатор с удивлением взглянул на Диану – никогда раньше она не позволяла себе так бесцеремонно давать ему советы при других людях. «Становлюсь подкаблучником», – мелькнула подленькая мыслишка. Мелькнула и тут же исчезла, запах духов действовал.

– Прости, – сказал Французов полковнику. – Это все пресса. Нервы ни к черту.

– Это не пресса, – сказал Антон Антонович. – Ваши немотивированные страхи, неуверенность и нервозность – все соответствует тому состоянию, в котором находился в камере ваш двойник. Парня зовут Самсон, и он служит кассиром в банке. Мы специально посадили его, чтобы создать экстремальные условия и проверить утверждение ясновидца.

– Ну, допустим. Но зачем было задерживать других?

– Издержки производства. Вспомните свою армейскую службу. Когда ваша рота на полном скаку влетала на тачанках в горный аул, вы разве разбирались, кто виновен, кто нет?

– Тачанки... – усмехнулся Француз. – И нечего иронизировать. Где не могли пройти бронетранспортеры, тачанки были единственным средством передвижения и не мешали работе пулеметов на ходу.

– Я видел эти пулеметы в музее. Они действительно работали? – Мостовой знал, как Француз гордится своим армейским прошлым, и воспоминание о нем приведут губернатора в хорошее настроение.

– «Максим» – замечательное оружие, Антон. Пулеметы до сих пор работают безотказно. Не то что современные «Булавы», в белый свет как в копеечку. И точно, влетают они нам в копеечку. – Настроение у губернатора улучшилось, и он улыбнулся. – Но не будем отвлекаться, докладывай.

– Ничего особенного не произошло, арестованные уже отпущены на свободу.

– Но ты говорил о моем двойнике. Значит, утверждение ясновидца подтвердилось?

– Увы, ваше превосходительство.

– Пусть так. Но даже если я действительно связан с ним какой-то сверхъестественной связью, чем опасен для меня какой-то кассир?

– Ясновидец напророчил ему конец в сумасшедшем доме.

– Конец в сумасшедшем доме? – удивился Француз, и чувство тревоги вновь поселилось в нем.

– Доверься нам, дорогой, – сказала Диана, видя растерянность своего возлюбленного. – Мы с Антоном Антоновичем тебя защитим.

У губернатора была причина встревожиться, он вспомнил свой странный сон – пыльную дорогу, опаленную солнцем, по которой ползли повозки спряженными волами. А на повозках... Тогда он не обратил внимания, что люди, сидящие в повозках, упакованы в грязные смиренные рубахи. Вот, оказывается, кого вез в пустыню этот караван...

Апатия вдруг навалилась на Вольдемара Викторовича неподъемным грузом и вдавила назад в кресло.

С улицы в зал донесся перестук конских копыт.

– Самсона привезли, – сказал полковник.

– Зачем? – вяло спросил Вольдемар Викторович.

– Вас нужно познакомить. Я уже ввел его в курс дела, теперь важно, чтобы он ощутил вашу благожелательность и успокоился. А то он, чего доброго, действительно свихнется от свалившейся на него ответственности.

В комнату горничная вкатил стол с напитками и бутербродами, накрытыми белоснежной салфеткой. Мостовой приподнял салфетку, осмотрел ассортимент и одобрительно кивнул девушке. Горничная присела в глубоком реверансе и выбежала из гостиной.

– Я волнуюсь, – призналась Диана.

– Будьте с ним ласковы, и все образуется, – посоветовал Антон Антонович.

В зал охранники ввели Самсона и стали у дверей, скрестив алебарды. Кольчуги на их грудях были начищены до ослепительного блеска.

– Вот наш герой. – Начальник СБ подтолкнул Самсона к губернатору. – Зовут Самсон. Прошу любить и жаловать.

– Красивое имя, – сказала Диана.

Самсон поднял на нее глаза и обомлел: ему улыбалась невыносимо прекрасная женщина. Ее смуглое треугольное лицо с большими карими глазами и чувственно вздрагивающими крыльями носа впечаталось в его сердце. Оно вдруг стукнуло, затихло, снова стукнуло и зачастило так, что перехватило дыхание. Стало и томительно, и больно, и радостно одновременно. Только тот, кто испытал эту мощную, неодолимую силу любви с первого взгляда, может понять, что испытал в это мгновение Самсон. У него подкосились ноги, руки отказались повиноваться, и он пошатнулся. Антон Антонович, внимательно следивший за ним, подхватил его под руки и усадил в кресло. Самсон сел и опустил глаза – страшился еще раз взглянуть на женщину.

– Вас, кажется, что-то взволновало? – Французов осторожно рассматривал человека, от которого, согласно пророчеству, зависит его жизнь. Ничего особенно угрожающего или опасного он в нем пока не находил.

– Нет, ваше превосходительство, – пролепетал Самсон. – Но все так неожиданно...

– Для меня тоже, – улыбнулся губернатор. – Что поделаешь, подарок судьбы.

– И для меня тоже, – со странно веселой интонацией сказал полковник.

Если бы здесь был Маэстро, он бы понял, что скрывается за такой реакцией Мостового. Но мага здесь не было.

– Трогательное единодушие, – улыбнулась Диана. Самсон тоже улыбнулся. Несмело, скованно, но – улыбнулся. Тягучая атмосфера, висящая в гостиной в первые секунды встречи, развеялась.

– Чего бы вам больше всего хотелось, Самсон? – спросила Диана.

– Путешествовать, – ответил Самсон, не поднимая глаз. Он говорил правду, в эту минуту ему хотелось исчезнуть, чтобы не сидеть под прицелом ее пронизывающих до сердечной боли глаз. – Когда я выдаю кому-нибудь крупную сумму, то представляю, сколько всего можно было бы увидеть за эти деньги, – голос Самсона дрожал от волнения. – Каменные головы острова Пасхи, раскопки Трои, каналы Венеции... – Он говорил, что приходило в голову, скрывая за словами растерянность.

– В Венецию ездить не советую, – сказал Вольдемар Викторович. – Там от каналов вонь несусветная. Лучше поезжайте на юг, к Черному морю. Все-таки родная сторона. Правда, там все дорого, но мы поможем вам с деньгами на билет.

– И дадим бесплатную путевку, – сказала Диана.

Самсону показалось, что с ним обращаются как с нищим, и решил, что в этом виноват сам, не стоило упоминать о деньгах клиентов. И окончательно растерялся.

Мостовой понял состояние Самсона.

– Не нужно никаких путешествий. На железных дорогах крушения, самолеты падают, едва взлетев, суда горят и захлебываются в собственной нефти, заложникам отрезают головы...

– Но это не у нас, полковник, – поправил начальника СБ губернатор, вовремя вспомнив о патриотизме. – Это там, за бугром.

– О да! Поэтому Сочи – достойное место отдыха, – усмехнулся Мостовой. – Соглашайтесь, Самсон.

– Нет, спасибо, – пробормотал Самсон. – Дома столько дел...

Диана почувствовала, что вот-вот возникнет неловкая пауза, которая случается у собеседников, когда не о чем говорить, и взяла беседу в свои руки:

– Хотите выпить?

– Я не пью, – проговорил Самсон.

– Сегодня можно, – заявил полковник. – Сегодня знаменательный день, знакомство нужно отпраздновать.

Мостовой протянул руку к висящему над креслом губернатора колокольчику и позвонил. Тут же в зале официант с четырьмя бокалами шампанского на подносах.

Самсон взял бокал.

– Здоровье присутствующих! – провозгласил тост полковник.

Все выпили.

Зазвучала восточная музыка. В зал стайкой вбежали девушки в костюмах флорентийских цветочниц. Диана склонилась к уху губернатора: «Так надо, милый».

И представление началось. Перед Самсоном возникли фокусники, выдувающие изо рта пламя, в чалмах и набедренных повязках, узкоглазые акробаты и африканские аборигены с тамтамами. Ритм барабанов то нарастал, то стихал, извивающиеся тела артистов блестели. Это был организованный хаос, настоящее византийское празднество – пиршество огня, красок и все время меняющейся музыки.

Самсон вспомнил о развлечениях римских патрициев, и ему захотелось возлечь на подушки, есть виноград, подносимый к его рту тонкими женскими пальцами, и наслаждаться жизнью. У него закружилась голова, спутались мысли, сделалось невесомым тело, и он бессильно обмяк в кресле.

А губернатор внезапно повеселел.

Мостовой был удовлетворен: встреча астральных двойников проходила точно по задуманному им сценарию.

– Голова кружится, – сказал Самсон Мостовому.

– Естественно, в камере был спертый воздух, – объяснил полковник. – Вам необходимо как следует выспаться. – Он помог Самсону встать и взял его под руку. – Пойдемте, я провожу вас.

Как по команде, исчезли танцовщицы, одалиски, циркачи.

– Отдыхайте, Самсон! – сказала Диана. – Мы еще встретимся.

Полковник и Самсон ушли. Диана подошла к губернатору.

– Не верю, чтобы этому человеку грозило психическое расстройство, – сказал Французов. – Я сам едва не потерял разум от этой маскарадной суеты, а ему хоть бы что, только голова закружилась.

– Все будет хорошо, милый, мы не дадим ему заболеть. – Диана обняла любовника, прижалась. – Я соскучилась.

– Я тоже, – сказал Вольдемар Викторович. – Сегодняшний вечер мы проведем вместе.

– А ночь? – кокетливо спросила Диана.

– И ночь тоже. – В голосе губернатора прозвучала нежность.

Диалог возлюбленных прервал полковник, стремительно возвратившийся в зал.

– Это возмутительно, Антон! – рассердился Французов. – Второй раз врываешься, как жлоб, без разрешения!

– Извините, что помешал, – усмехнулся Антон Антонович. – Но мне нужно ваше немедленное одобрение и содействие.

– Объяснись.

– Ничтожный кассир, являющийся зеркальным отражением губернатора, это социальный парадокс. В секрете это не удержать, рано или поздно он станет достоянием гласности. Остряки начнут втихомолку над вами смеяться и сочинять анекдоты.

– Что ты предлагаешь?

– Нужно сделать из Самсона выдающуюся личность. Сходство талантливой личности и властителя приемлемо.

– Мы можем позаботиться о его здоровье, – с иронией сказал губернатор, – можем создать ему легкую жизнь, но вдохнуть в человека талант нам не по силам.

– Ну, это как посмотреть. Не обижайтесь, о присутствующих не говорят, но во всем мире имиджмейкеры успешно создают политиков из всяких дебилов.

– Ты хочешь сделать из него политика? – Французов сделал вид, что не оскорбился сравнением политика с дебилом, но бакенбарды у него опять покраснели.

– Пока он никто и ничто, и я могу сделать из него все, что пожелаю, – сказал Мостовой.

– В какой области?

– Естественно, в той, где все субъективно: в культуре.

– Так делай, что мешает?! – раздраженно бросил губернатор, не сумев до конца скрыть обиду.

– Полномочий начальника СБ для такой акции недостаточно. Тут нужны усилия полиции, СМИ и здравоохранения, действующие под единым началом.

– Не понимаю! – воскликнул Французов. – Ну... Ну, хорошо. Допустим, про полицию и СМИ я еще могу понять, они могут понадобиться. Но для чего тебе здравоохранение?

– Чтобы медперсонал находился рядом с великим бардом постоянно. Именно бардом. Нам известно, что он на досуге сочиняет песенки.

– Ваше превосходительство, мне кажется, полковник предлагает разумные вещи, – сказала Диана.

– Ладно, завтра подпишу указ о курировании этих департаментов главой Службы Безопасности, – решил губернатор.

– Полицией командует генерал, – сказал Антон Антонович. – Табель о рангах будет противоречить нашим служебным отношениям.

– Хорошо, – кивнул Французов. – Можешь нашить лампасы на штаны.

– Слушаюсь!

Мостовой удалился.

Разговор Автора с Дианой в саду

Утро, как это бывает весной, выдалось хмурое, морозное. Но Диану что-то потянуло в сад. В саду прогуливался мужчина.

Диана. А я вас знаю. Вы Автор.

Автор. Верно. И жду здесь вас.

Диана. Зачем?

Автор. Вы с легкостью согласились помогать Мостовому. То есть доносить на любимого человека.

Диана. Любимого?!.. Бог мой, я уже и забыла, что означает это слово.

Автор. Неправда. Вы же воспитывались в институте благородных девиц, вы с подружками не одну ночь провели в разговорах о любви.

Диана. Только не в разговорах. Нас ориентировали на духовную любовь, а мы изнывали от желания физической близости. Секс, конечно, приятное занятие, но его девичье предвкушение, дикие фантазии и сладость мастурбации несравнимы с реальностью. В конце концов мы решили, что физическая близость и есть любовь, инстинкт и буйство гормонов сочли духовностью.

Автор. А дальше?

Диана. Это случилось много лет назад, мне было семнадцать...

Автор. Ох эти гуманитарии! Все, что чуть больше трех, для них много!..

Диана. Очень милый комплимент. Хорошо, это случилось девять лет назад. На выпускном балу я познакомилась с мичманом Славиным с корвета «Стремительный». Невозможно описать словами то неистовство, с которым мы отдавались друг другу. Осенью его фрегат отправился в кругосветный поход. Едва «Стремительный» отошел от берега, как я бросилась к модистке и заказала свадебное платье. Но мой мичман списался в Америке на берег, чтобы жениться на женщине, владеющей нефтеперерабатывающими заводами. Теперь, когда я случайно натыкаюсь в гардеробной на это платье, во мне возникает презрение к мужчинам.

Автор. Но все же вы его храните.

Диана. Да, оно напоминает мне о том, какой наивной я была когда-то. *(Помолчав.)* А вы говорите – любовь! Настоящая любовь бывает только к деньгам. Или за деньги, что, впрочем, одно и то же. Звучит омерзительно, но это правда. И теперь, если что-то угрожает моему благополучию... Вам пригодится мой рассказ?

Автор. Пригодится.

Диана. Я рада. Когда выйдет книга, пришлите мне гонорар за это интервью.

8

Самсон занимал одну комнату в четырехкомнатной коммунальной квартире на последнем этаже старого, еще дореволюционной постройки, дома. Соседнюю комнату занимал Юрик, идеолог молодежной монархической организации «Скифы», по коридору напротив жила бойкая продавщица Нюра, а в комнате в конце коридора устроила свое одинокое гнездышко библиотекарша Кира Арнольдовна. Кира была тридцатилетней девушкой. Воспитанная на русской классической литературе, она в каждом современном мужчине видела потенциального насильника и больше всего опасалась оказаться притиснутой к какому-нибудь злодею в часы пик в автобусе, ибо была уверена, что в такой давке от близости можно ненароком утратить девственность. Из мужчин только один Самсон не вызывал в ней отрицательных эмоций. Даже наоборот, иногда ей грезилось, что они вдвоем... Нет, мы не будем врываться в невинные девичьи грезы!

Утром, после встречи с губернатором, Самсон, проснувшись, с каким-то смешанным чувством жалости и отвращения взглянул на свое убогое жилище и вышел на общую кухню. Привычно пахло прогорклым маслом, а из крана над ржавой раковиной тонкой струйкой текла вода. Сейчас на кухне Юрик репетировал перед Кирой Арнольдовной речь, которую собирался произнести на сегодняшнем собрании, организованном в защиту арестованных.

Увидев Самсона, Кира Арнольдовна запахла чуть приоткрытый ворот халатика, а Юрик обрадовался.

– Вас уже выпустили?! Отлично! На собрании вы расскажете о пытках, учиненных над вами в застенке!

– Я не могу на собрание, – сказал Самсон. – Мне на работу надо.

– Уклоняетесь от участия?! – обиженно вскричал Юрик. – Мы тут митинг против беззакония властей, а вы!..

– А мне чаю пить пора, – сказал Самсон, доставая с полки свой чайник. – Я опаздываю.

– Возьмите мой, он только вскипел, – предложила Кира Арнольдовна.

Самсон поблагодарил, взял соседский чайник и удалился. Юрик проводил Самсона презрительным взглядом, а Кира Арнольдовна, посмотрев вслед на его бедра, густо покраснела.

Самсон наскоро выпил чай и, дожевывая на ходу трехдневный засушенный бутерброд, помчался в банк. Зайдя в кассовый зал, он с удивлением обнаружил на своем месте постороннего человека.

– Вам сюда нельзя, – сказал незнакомец. – Зайдите к главному кассиру.

Главный кассир встретил Самсона, хмуро прищурившись.

– На вас из органов затребовали характеристику, – сказал он, не пригласив Самсона присесть. – Мы написали все как есть.

– Я преданно служу здесь со дня создания банка, – сказал Самсон. – И за двенадцать лет ни одного замечания.

– Мы так и написали, – кивнул главный кассир. – Вы были хорошим работником. Но теперь вы утратили доверие председателя правления банка.

– Из-за чего?

– Не из-за чего, а почему. Потому что кассиру, задержанному за правонарушения, нельзя доверять деньги. Согласитесь, это справедливо.

– Не соглашусь.

– Я передам ваше мнение председателю. Но, боюсь, оно его не заинтересует.

Самсон промолчал. Он вспомнил совет, данный ему магом, – не изменять свою жизнь, и невольно улыбнулся, обстоятельства оказались сильнее его желания следовать этому совету.

– Спасая репутацию банка, мы вас увольняем. Войдите в наше положение. – Главный кассир встал и пожал руку Самсону, крепким рукопожатием давая понять, что в глубине души он на стороне Самсона, но у него двое детей и зависимая должность. Необходимость принести домой жалование сделала его двуликим.

Если бы Самсона уволили несколько дней назад, он бы, наверное, заболел от обиды. Но сегодня потеря работы его почему-то нисколько не огорчила. Насвистывая, он шел по операционному залу банка. Остановившись в центре, он повернулся к коллегам, сидящим за окошками касс, и помахал на прощание рукой. Но никто ему не ответил. Кассиры, сделав вид, что не замечают его, сидели, уткнувшись носами в какие-то бумаги.

– Ну и черт с вами! – крикнул Самсон и покинул учреждение, которому он отдал двенадцать лет сознательной жизни.

Гулявший по городу ветер, разогнав облака, утомился и стих. На белесом небе появилось солнце, день обещался быть по-весеннему тихим и теплым.

Самсон подставил солнцу лицо и блаженно улыбнулся. Мимо пробежала стайка девушек. Одна из них пальцем указала на нелепо застывшего Самсона, ее подруги расхохотались и скрылись за поворотом. Женский смех проник в его уши, и ему вдруг показалось, что это смеется Диана. Больно защемило сердце. Самсон затряс головой, отгоняя наваждение, отогнал, но вернуть хорошее настроение не удалось. Захотелось побыть одному, чтобы вокруг не было ни души, ни одного человеческого лица. И он торопливо направился в городской парк. За ним, сменяя друг друга на перекрестках или возле магазинов, следовали оперативники из ведомства Службы безопасности.

В парке было пустынно, только по искусственному озеру шныряли жадные утки и скользили высокомерные лебеди.

Самсон обошел озеро и свернул на боковую аллею. Ветви просыпающихся деревьев на этой аллее оккупировали стаи воробьев. Завидев Самсона, воробьи снялись с мест и посыпались ему под ноги, звонким щебетом требуя пищи: решили пернатые, что люди обязаны их кормить.

– У меня нет ничего, – сказал им Самсон и в доказательство протянул вперед раскрытые ладони.

Одна из птиц села ему на руку и нагло скосила голову, изучая ладонь. «Совсем как Маэстро, – подумал Самсон. – Непременно в пятницу пойду на вокзал».

Сидящий на руке воробей убедился в том, что Самсон действительно посмел явиться к ним без крошек, и возмущенным криком сообщил об этом своим товарищам. «Мсте!» – чирикнул нахал. Самсон понял, что он призвал стаю к мести, но не успел защититься. Птицы взлетели, закружились над его головой, и на Самсона посыпался град пахучих воробьиных гуано.

– Сволочи, – беззлобно крикнул Самсон, прикрывая голову. – Вам мало, что мне на службе в душу наплевали?!..

Настроение испортилось окончательно, гулять расхотелось. Да и невозможно гулять в таком, мягко говоря, непрезентабельном виде. И Самсон отправился домой.

9

Известный продюсер и хозяин популярного продюсерского центра «Х+З» унаследовал от своей матери имя Кэбу, чисто японскую внешность и любовь к японской культуре, а от отца фамилию Зильберлейб и организаторские способности.

Детство и юность прошли беззаботно и весело. Учился Кэбу спустя рукава, лентяйничал и окончил гимназию посредственно. (Услышав фамилию Зильберлейб, никто не удивлялся, что гимназию, но только, что «посредственно».)

Окончив гимназию, Кэбу категорически отказался продолжать учебу в университете и с рвением принялся создавать личный капитал. От отца, владеющего подпольным цехом по производству джинсов фирмы «Ли», он знал, что наибольшую прибыль приносят операции «купля-продажа», и портовый город, в котором он жил, давал для этого широкие возможности. И Кэбу занялся фарцовкой. Фарцевал он всем, что пользовалось повышенным спросом. А так как в магазинах вообще ничего не было, спросом пользовалось все от ниток до разводных ключей, от алкоголя до колбас и сыров. Особым спросом пользовались тонкие презервативы, порно, сигареты, жвачка и нейлоновые рубашки «апаш».

Долгое время Кэбу был удачлив, легко откупался от ментов и гэбэшников, курирующих подпольную деятельность граждан, считался их крестником и чувствовал себя в полной безопасности. Это чувство его и подвело. Стремясь стать богаче отца, что вообще свойственно юности, он переключился на работу с золотом и валютой и был задержан оперативниками КГБ. Оперативники обнаружили в кармане восемнадцатилетнего юноши полторы тысячи долларов и пришли в восторг. Милицейские кураторы тут же открестились от своего подопечного.

Кэбу получил пять лет строго режима с полной конфискацией.

– Не таи зла, – сказал куратор, наведя его в камеру перед отправкой в Сыктывкар. – Ты должен был схлопотать полную десятку, прокурор, сука, требовал. Мы твой пятерик едва отстояли, мотивируя тем, что ты наш информатор. Тебе надо было и ему заносить.

– Вернусь, буду иметь в виду, – сказал Кэбу, обнимая куратора.

Но пока он отбывал срок, в стране изменился режим, страна вернулась к законам забытого девятнадцатого века, и все, кто мог, начали безудержно воровать.

Это поклеп, скажут читатели: такого воровства в славном прошлом державы не было. Было, господа. Было! При царе Александре Втором, Освободителе. После указа о раскрепощении крестьян воровство даже царскую фамилию не обошло: один из юных великих князей спер у родной тетушки серебряный сервиз на шестьдесят четыре персоны. На двух подводах увез, недоросль, пока тетушка лечилась на водах в Баден-Бадене.

Вернувшись из мест не столь отдаленных, Кэбу вернуться к бывшей деятельности остерегся, пяти лет хватило, решил сперва осмотреться. Но деньги, как и всякого смертного, его зазывно манили. Присмотревшись к происходящему, Кэбу заметил, что культурно-просветительская ниша еще свободна, ибо от лозунга «хлеба и зрелищ» люди не отказались. И Кэбу создал вполне легальный продюсерский центр, зашифровав в его названии «Х+З» инициалы родителей – Хирико и Зеев.

Раскрутив несколько групп и успешно прокатав их по стране, он приступил к массовому производству дисков с национальной поп и рок музыкой. И деньги к Кэбу потекли рекой, только успевай считать.

Чтобы окончательно покорить прокатчиков, падших на все экзотическое, Кэбу съездил на родину матери в Осака и привез оттуда трех гейш и два десятка мужских и женских наци-

ональных костюмов для гостей и сотрудников. Две комнаты центра были переоборудованы под раздевалку, и теперь сотрудники и гости, прежде чем войти в бюро, обязаны были переодеваться в традиционную японскую одежду. Сам хозяин на работе носил сложный костюм эпохи сегунов Токугава. С гейшами он подписал пятилетний контракт, вменив им в обязанность посменную круглосуточную работу.

Мостовой (уже в новенькой генеральской форме) подъехал к бюро «Х+3» во время дежурства самой юной из них – гейши Ясико. Увидев человека, чье лицо постоянно мелькало на экране телевизора рядом с губернатором, девушка смутилась, и улыбка растерянности проступила на ее забеленном личике. Поминутно кланяясь, она провела генерала в комнату для гостей и помчалась к хозяину докладывать о визите нежданного гостя. Зильберлейб велел переодеть генерала, вызвать внеурочно двух других гейш и подготовиться к чайной церемонии.

Антон Антоновича переодели, прицепили к поясу меч и отвели в гостевую комнату, устланную циновками. Навстречу, почтительно сложив ладони на груди, вышел Зильберлейб в сопровождении двух вызванных гейш. Волосы Кэбу были свернуты на макушке в тугой пучок. Хозяин уселся возле низенького столика на пятки и указал гостю место напротив. Генерал кое-как повторил позу хозяина, и ноги его тотчас начали затекать.

– У меня к тебе секретное поручение, – сказал, ерзая, Мостовой.

– Нет-нет, господин генерал, – вежливо ответил Кэбу, – так нельзя. Сначала чай, дела потом.

Ясико внесла в комнату поднос с чашечками сакэ и, опустившись на колени, поставила поднос на стол.

– Отведайте сакэ, – предложил Зильберлейб. – Оно подогрето в меру.

Пить теплую водку, пусть даже и рисовую, генералу было непривычно и неприятно, но пришлось. Он проглотил глоток сакэ и передернул плечами. Устроившиеся в углу гейши запели. В их пении слышался щебет просыпающихся птиц, шелест весенней листвы, шепот морского прибоя.

– Девочек к работе гейши готовят с семи лет, – пояснил Кэбу. – Они все умеют. Почетная профессия. Не бляди, как у нас считалось когда-то.

За время чайной церемонии генерал прослушал еще несколько песен, увидел танец и узнал тайны икебаны. Ноги его окончательно затекли, и он уже проклинал и Зильберлейба, и гейш с их птичьими голосами, и вообще всех японцев, выдумавших такие мучительные чайные развлечения и теплую водку.

Когда наконец чай был выпит и гейши, закончив пытку, удалились, генерал в нескольких словах, изложил свое поручение – приютить и раскрутить начинающего поэта и исполнителя Самсона Далилова.

– Учти, это дело находится под моим личным контролем, – предупредил генерал, но завершил свою речь приятными для собеседника словами: – Деньги на раскрутку получишь в кассе СБ. Налоговая инспекция, полиция и пресса окажут тебе посильную помощь.

Зильберлейб заказ принял беспрекословно, что такое СБ, знал не понаслышке. Да и сумма, названная генералом в качестве поощрения, была заманчивой.

– Будет сделано, господин генерал! – Затем, помолчав, добавил: – У меня есть к вам небольшая просьба, ваше превосходительство.

– Выкладывай.

– Нуждаюсь в спонсорской помощи для постройки синагоги, разрушенной в период бескомпромиссной борьбы с космополитизмом.

– Ты хотел сказать, на храм синтоизма? – удивился генерал. – В твоём уголовном деле указана национальность – японец.

– На три четверти я иудей.

– Хорошо, найду тебе спонсоров, – пообещал Мостовой. – Но зачем тебе синагога?
– По пятницам там будет молитвенный дом, а все остальные дни недели – концертный зал, – ответил Кэбу.
– Теперь верю, что ты на три четверти иудей, – сказал генерал, с трудом выползая из-за стола.

Зильберлейб был человеком слова.

Попрощавшись с генералом, он немедленно приступил к выполнению задания и отправился на квартиру к Самсону.

Самсон жил в старом доме с облупленной облицовкой и обвалившимися балконами. Какой-то мужчина сидел на скамейке возле дома и лепил из пластилина зверушек. На скамейке уже сохли розовый слон и две синих собачки.

– Документы, – потребовал он, когда Кэбу приблизился к дверям подъезда.

– У меня с собой только водительские права, – сказал Зильберлейб, мгновенно сообщив, что человек сидит здесь неспроста и имеет право лепить зверушек.

– Годится. – Мужчина взял пластиковые водительские права, зачитал в воротник фамилию и номер, и откуда-то из-под шарфа сквозь треск и свист, какие бывают при настройке радиоприемника, прорвалась команда «Пропустить!».

– Никак не найдут средств на новую технику, – удрученно пояснил Зильберлейбу скульптор. – Проходите.

Отдуваясь, Зильберлейб поднялся на шестой этаж по темной и грязной лестнице и уткнулся в обитую дерматином дверь. Из протертого местами дерматина виднелась вата. Сбоку двери висела гирлянда из четырех звонков. Отыскать на затертых табличках фамилию Далилов не удалось, и он нажал верхний звонок.

Дверь ему открыла продавщица Нюра в клубничной маске на лице и ахнула.

– Японец?!.. Вы к кому?.. Пардон, я же по-вашему ни бум-бум.

– Со мной можно по-русски.

– Чудны дела твои, господи!..

– Я к Далилову, – сказал Кэбу. – Он дома?

– Там. – Нюра успокоилась и указала на дверь Самсона. – Слышите, гитара вон. Вы идите без стука, он, когда на гитаре тренькает, ничего не слышит. А после можете ко мне заглянуть, – кокетливо добавила она. – Я сегодня выходная. Моя дверь напротив.

– Спасибо, – поблагодарил Зильберлейб и отправился знакомиться с Самсоном.

Обстановка в комнате была скромной – диван, шкаф, стол, стулья, полка с книжками, квадратное зеркало на стене и небольшой аквариум, в котором лениво шевелили плавниками пучеглазые вуалехвостки. Единственным ярким украшением комнаты был цветной постер с видом на гору Арарат.

Самсон сидел на диване и что-то напевал, меланхолично перебирая струны гитары. Увидев незнакомого человека в японской одежде, Самсон отложил гитару и встал. Его реакция на незнакомца ничем не отличалась от Нюриной:

– Вы... – растерянно бормотал Самсон. – Немен зи плац, битте... Нет, не так...

– Все так, – сказал Зильберлейб. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что за человек стоит перед ним. – Я знаю идиш, а это все равно что немецкий. Зильберлейб, – представился он. – Продюсер. – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Проклятая работа. Таскаешься по всем весям, мечешься из города в город, ищешь таланты, как петух зерно в мусоре. А все ради чего? Ради святого искусства, которому служишь преданно и честно. Понимаете? Нет-нет, не отвечайте, знаю, что понимаете. Ибо тоже служите этому чудовищу, пожирающему все наши душевные силы. Но не отвлекайтесь, играйте, пойте, прошу вас.

– Что петь? – невнятно спросил Самсон, пытаясь хоть что-то понять из речи странного гостя.

– То, что вы только что пели! – воскликнул Кэбу. – Я никогда раньше не слышал этой песни. Стоял у ваших дверей, подслушивал и восторгался. Отличная песня, с юмором. Можете мне поверить, я в этом разбираюсь. Пожалуйста, продолжайте.

Самсон без возражений взял гитару, запел:

– Я пою, я пою
Эту песенку мою.
Только папа и мама
Повторяют упрямо:
«Хоть на час,
Ради нас,
Но прекрати свой глупый джаз...»

Зильберлейб присел на краешек стула, подпер рукой голову, прикрыл глаза и улыбнулся. Он умел отключаться от звуков, когда хотел. Так порой отключается человек под бубнеж телевизионных обозревателей. «Интересно, – думал Кэбу. – Такая чушь, и вдруг под крышей СБ? Впрочем, меня это не касается, мое дело его раскрутить. Надо так надо!..»

– Отлично! – Кэбу прервал Самсона на полуслове. – Будьте завтра с утра дома, за вами заедут.

– Не могу, – промямлил Самсон. – Мне нужно искать работу.

– Вы ее уже нашли, – улыбнулся Зильберлейб и достал из портфеля объемистую пачку денег. – Вот вам на первый случай. Извините, что в английской валюте, другой под рукой не оказалось. – Он положил пачку на стол и удалился.

Нет, все-таки не зря Кэбу слыл талантливым продюсером, работать с которым стремились все музыканты, он знал, как заставить людей восхищаться собой.

Самсон удивился тому, что еврейский японец раздает не иены, а фунты. Может, это провокация, направленная на банк? Но, вспомнив, что он уже в банке не работает, вскрыл пачку и достал одну купюру. На ней был отпечатан профиль какой-то королевы, похожий на профиль Дианы. Самсон взвыл и накрыл пачку подушкой – подальше от глаз. Это не помогло, не могло помочь. Любовь вошла в него, как звуки входят в сознание, – невидимо и беспрепятственно, обожгла незащитное сердце и застряла там навсегда.

Возвратившись в студию, Кэбу отправил посыльных в редакцию газеты «Песни о главном» и в подвал к Курице с предложением явиться немедленно. Карачумов, чей инстинкт всегда вел хозяина на запах неучтенных денег, явился сам и привел с собой оператора телевидения. Оба были готовы в любую минуту начать съемки музыкального клипа.

– Подожди, все соберутся, тогда будем эсбэшные бабки осваивать. А пока угощайся сакэ, – предложил Кэбу.

– Сакэ так сакэ, – сказал Карачумов, налив себе полный стакан сакэ.

– Ты что, сакэ стаканами глушить собрался?

– А мне все равно что, лишь бы не купорос, – пошутил прославленный режиссер. – Купорос душа не принимает. Шучу, шучу... – И тут же выпил сакэ в три глотка, залихватски задрав голову и прикусив ленточки бескозырки, чтоб не свалилась.

Пить и одновременно держать в зубах ленточки – это ж какой опыт потребления алкоголя надо иметь!..

В этот момент под окном бюро загрохотал мотоцикл музыканта Гоши Кураева, кличка Курица.

Гоша Кураев стал известен в те времена, когда авангардная музыка была под запретом и за ее исполнение можно было загреметь в места не столь отдаленные. Тогда он бесстрашно создал группу «Кайф». Друзья-музыканты отыскиали просторный подвал в освобожденном от жильцов доме под снос, привели его в порядок, побелили и стали давать там подпольные концерты. Затем режим сменился, и Гоша сделался полновластным владельцем этого помещения. Он выбросил из подвала ящики, ранее заменявшие стулья, поставил столы и оборудовал бар.

Время шло. За прошедшие годы ребята из группы постарели, обзавелись семьями, но своему юношескому увлечению музыкой и байками (в смысле – мотоциклами) не изменили. Они по-прежнему носили длинные волосы, стянутые на затылке резинкой, черные кожаные куртки и, уже не таясь, продолжали давать концерты и пугать жителей канонадным грохотом мотоциклов. Но популярность авангарда, утратив свою подпольную привлекательность, сошла на нет, и группа потеряла большую часть своих фанатов. И, соответственно, доходов. От полного финансового краха их спасал кураевский бар.

Посыльный от Кэбу застал группу в разгар репетиций. На невысоком помосте пела певица с приятным, с оттяжкой в хрипотцу голосом. Услышав, что его зовет сам Зильберлейб, Курица отменил репетицию, бросил обиженной певице: «Тебя не спросили!» – уселся на мотоцикл и помчался в бюро фирмы «Х+3».

Пренебрегая собственным правилом, Кэбу велел пропустить его в своей одежде и в трех словах обрисовал ситуацию.

– Ты должен начать с ним работать.

– Но музыка-то у него хоть приличная? – спросил Гоша.

– Дело не в музыке, а в генерале СБ. Реклама, охрана, медицинские страховки и полные стадионы гарантированы.

Курица, почти физически ощутив шелест новеньких банкнот в руках, не раздумывая согласился. А тут и журналисты подоспели.

Партнеры быстро подсчитали, кому сколько, и разошлись, довольные неожиданным заказом.

Наутро популярная в народе газета «Песни о главном» и внеочередной номер журнала «Рок и поп» сообщили своим читателям радостную новость: после десятилетнего перерыва в шоу-бизнес возвращается группа «Кайф». В программе песни в исполнении автора – выдающегося барда Самсона Далилова.

А на улицах репортеры телевидения проводили летучий опрос прохожих, задавая один и тот же вопрос, предварительно читая несколько строк стихотворения.

– Знаете, чьи это строки:

«Одну чувиху встретил я,
Провел домой на всякий случай.
У той чувихи два бедра,
Одно бедро другого круче».

Ответы прохожих поражали своим разнообразием. Называли в основном Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Чехова, Толстого и Достоевского. И только две аспирантки академии госслужащих были близки к разгадке, назвав Жванецкого.

– Нет, это не Жванецкий. Это Далилов, – объяснил репортер. И слава Самсона начала расти, как молодой бамбук.

10

Ночь перед первой репетицией Самсон долго мучился от бессонницы. Таращился у окна на висящий в небе скорбный молодой месяц, ходил по комнате из угла в угол и все твердил, бессмысленно и монотонно: «Нельзя! Забудь об этом! Вспомни, кто ты, а кто она! Выкинь из головы!» Под утро, утомленный, истерзанный, он прямо в одежде повалился на диван и забылся беспокойным сном.

Во сне ему привиделась Диана в белом свадебном платье. Она вышла на крыльцо церкви под руку с каким-то мужчиной в генеральской форме. Ревность охватила Самсона. Стало больно. Где-то зазвучали колокола...

Самсон открыл глаза и рывком сел на диване. Откуда-то издалека, словно из плотного, не пропускающего звуки тумана, доносились звонки в дверь. «К кому-то гости», – подумал Самсон. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

Звонки прекратились, затем в комнату постучали.

– Секунду, – бесцветным голосом сказал Самсон. Он с трудом встал и поправил измятые после сна брюки. – Входите!..

В комнате появился человек в длинном кожаном плаще и в черных солнцезащитных очках. От него пахло коньяком и сигарным дымом. В коридоре, прижимая к груди газету «Песни о главном», стояла Кира Арнольдовна. Это она открыла посетителю входную дверь. В другом случае, впустив в дом мужчину (да еще так пахнущего!), она бы немедленно юркнула в свою комнату, но сейчас дело касалось дорогого ей Самсона, и она отважилась остаться.

– Собирайтесь, – сказал кожаный плащ.

– Опять?! – всхлипнул Самсон, вспомнив недавний арест. – За что?

– Не за что, а куда? – поправил его плащ. – На репетицию. Вас же вчера предупредил Зильберлейб. И не забудьте тексты своих песен.

– У меня их всего пять, – смутился Самсон.

И тут Кира Арнольдовна не сдержала переполнявших ее чувств.

– Я знала! Знала!.. – вскричала она, размахивая газетой. – Я всегда в вас верила!..

– Вы, наверное, хотели сказать, верили в талант господина Далилова, – поправил ее кожаный гость.

– В талант! Безусловно, в талант! – немедленно согласилась Кира Арнольдовна, но, сообразив, что разговаривает с незнакомым мужчиной, стушевалась и исчезла.

Самсон вяло поднялся, достал из шкафа пожелтевшую от времени школьную тетрадку и последовал за гостем.

Во дворе его ждал лимузин. Гость предупредительно распахнул дверцу машины, при этом внимательно осматривая крыши и окна домов, выходящих в тупик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.